

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ РОССИИ

ROSSICA INEDITA

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ЦЕНТР ИСТОРИИ РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ ШКОЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ФРАНЦУЗСКИЙ
АВАНТЮРИСТ
ПРИ ДВОРЕ
ПЕТРА I

Письма и бумаги
барона де Сент-Илера

Составитель
и научный редактор
Игорь Федюкин

Второе издание, исправленное

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ
МОСКВА, 2020

УДК 929
ББК 63.2
Ф84

Издание подготовлено при поддержке
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Серия основана в 2018 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

доктор исторических наук, профессор, научный руководитель
Департамента истории НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге *Евгений Анисимов*;
доктор исторических наук, профессор, руководитель Школы исторических
наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ *Александр Каменский*;
PhD, директор Центра истории России Нового времени Школы исторических
наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ *Игорь Федюкин*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук, профессор *Сергей Мезин*;
доктор исторических наук, доцент *Дмитрий Серов*

ПЕРЕВОДЧИКИ:

Денис Кондаков, Ольга Кирикова, Кумар Гуа, Игорь Федюкин

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ К ПУБЛИКАЦИИ:

Игорь Федюкин, Денис Кондаков, Анастасия Видничук

ДИЗАЙН СЕРИИ: ABCdesign

В оформлении обложки использована гравюра Адольфа ван дер Лаана
(ок. 1710–1755) из серии «Голландские костюмы»
<<https://www.rijksmuseum.nl/nl/collectie/RP-P-OB-46.907>>

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2198-4

ISBN 978-5-7598-2198-4 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-2092-5 (e-book)

© Научная статья, составление.
Федюкин И.И., 2018; 2020

© Перевод с английского, немецкого,
французского, испанского языков.
Национальный исследовательский уни-
верситет «Высшая школа экономики»,
2018; 2020

Содержание

- 8 О книге
- 11 Список сокращений
- 13 **ИГОРЬ ФЕДЮКИН. «МНИМЫЙ БАРОН БЕЗ ВСЯКОЙ ДИПЛОМЫ»: ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНИЯ ЖОЗЕФА ДЕ СЕНТ-ИЛЕРА В РОССИИ И В ЕВРОПЕ**
- 147 Письма и бумаги барона де Сент-Илера
- 148 N.º 1. Биография барона де Сент-Илера, 1716 г.
- 152 N.º 2. «Дневник моих переговоров о сепаратном договоре между королевствами Франции и Испании и Португалией», 18 апреля 1711 г.
- 164 N.º 3. Письма маркиза де Бэ Жозефу Халлеру, февраль–март 1711 г.
- 167 N.º 4. Прошение Жозефа Халлера королеве Анне.
- 168 N.º 5. Халлер — лорду Дартмуту, 28 сентября 1711 г.
- 170 N.º 6. Халлер — лорду Страффорду, 2 января 1712 г.
- 172 N.º 7. Халлер — лорду Страффорду, 2 января 1712 г.
- 174 N.º 8. Халлер — лорду Страффорду, 3 января 1712 г.
- 176 N.º 9. Халлер — лорду Страффорду, 5 января 1712 г.
- 179 N.º 10. Халлер — лорду Страффорду, 10 января 1712 г.
- 181 N.º 11. Халлер — лорду Страффорду, 15 января 1712 г.
- 183 N.º 12. Халлер — лорду Страффорду, 16 января 1712 г.
- 185 N.º 13. Халлер — лорду Дартмуту, 21 марта 1712 г.
- 187 N.º 14. Халлер — лорду Дартмуту, 21 марта 1712 г.
- 189 N.º 15. Халлер — лорду Оксфорду, 29 марта 1712 г.
- 192 N.º 16. Халлер — Эразмусу Льюису, 8 мая 1712 г.
- 194 N.º 17. Императорский патент на имя барона де Сент-Илера, 18 ноября 1712 г.
- 196 N.º 18. Сент-Илер — графу фон Дауну, 18 апреля 1714 г.

- 201 N.º 19. Анри Лави — маркизу де Торси, 19 ноября 1714 г.
204 N.º 20. Сент-Илер — Петру I, 2 марта 1715 г.
207 N.º 21. «Проект для сочинения морской академии», 1715 г.
211 N.º 22. Проект строительства кораблей на Адриатике, 1715 г.
214 N.º 23. «Капитуляция» Сент-Илера, 14 апреля 1715 г.
216 N.º 24. Сент-Илер — Петру I, 12 мая 1715 г.
218 N.º 25. «Представление» Сент-Илера Петру I, 18 сентября
1715 г.
221 N.º 26. Сент-Илер — Петру I, сентябрь 1715 г.
222 N.º 27. Сент-Илер — Петру I, 20 октября 1715 г.
225 N.º 28. Сент-Илер — Петру I
227 N.º 29. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 8 февраля 1716 г.
228 N.º 30. А.А. Матвеев — Петру I, 8 февраля 1716 г.
229 N.º 31. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 17 марта 1716 г.
230 N.º 32. «Ордонанция» об обучении гардемаринов,
20 марта 1716 г.
232 N.º 33. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 14 апреля 1716 г.
234 N.º 34. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 20 апреля 1716 г.
235 N.º 35. «Известие» о Морской академии, весна 1716 г.
236 N.º 36. «Правила» для Морской академии, 11 мая 1716 г.
240 N.º 37. Сент-Илер — А.А. Матвееву, 20 мая 1716 г.
241 N.º 38. Сент-Илер — Петру I, 1 августа 1716 г.
244 N.º 39. Описание происшествия в Морской академии,
август 1716 г.
246 N.º 40. А.А. Матвеев — Сент-Илеру, 26 августа 1716 г.
249 N.º 41. А.А. Матвеев — Сент-Илеру, 27 августа 1716 г.
252 N.º 42. А.А. Матвеев — Ф.М. Апраксину, 3 сентября 1716 г.
254 N.º 43. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 28 сентября 1716 г.
256 N.º 44. А.А. Матвеев — Ф.М. Апраксину, 9 октября 1716 г.
257 N.º 45. Челобитная навигатора Федота Угримова,
октябрь 1716 г.
258 N.º 46. Доношение А.А. Матвеева Ф.М. Апраксину
260 N.º 47. А.А. Матвеев — Сент-Илеру, 9 ноября 1716 г.
263 N.º 48. Сент-Илер — Петру I, 15 ноября 1716 г.
268 N.º 49. Доношение А. Фархварсона и С. Гвина А.А. Матвееву,
22 декабря 1716 г.
269 N.º 50. А.А. Матвеев — Ф.М. Апраксину, 30 декабря 1716 г.
272 N.º 51. Сент-Илер — Ф.М. Апраксину, январь 1717 г.
273 N.º 52. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 11 января 1717 г.

- 275 N.º 53. Сент-Илер — А.А. Матвееву, 1 марта 1717 г.
277 N.º 54. Сент-Илер — графу Тулузскому, 29 декабря 1715 г.
283 N.º 55. Сент-Илер — графу Тулузскому, 12 февраля 1716 г.
286 N.º 56. Письмо неизвестного к своему агенту.
289 N.º 57. Сент-Илер — Шлейницу, 25 февраля 1717 г.
295 N.º 58. Сент-Илер — П.П. Шафирову, 25 июня 1718 г.
297 N.º 59. Шевалье де Гийе — А.В. Макарову, 19 февраля 1719 г.
305 N.º 60. Автобиография Сент-Илера, ок. 1719 г.
312 N.º 61. Барон де Сент-Илер — королю Швеции Фредрику I,
6 июня/25 мая 1720 г.
314 N.º 62. Сент-Илер — графу Спарре, 1 июня 1720 г.
317 N.º 63. Сент-Илер — Фредрику I, 5 июня 1720 г.
319 N.º 64. Сент-Илер — Фредрику I, 20 июня 1720 г.
323 N.º 65. Сент-Илер — князю Б.И. Куракину, 10 февраля 1721 г.
326 N.º 66. Сент-Илер — князю Б.И. Куракину, 24 февраля 1721 г.
328 N.º 67. Сент-Илер — королю Фредрику I, осень 1720 г.
335 N.º 68. «Приложение к мемориалу барона Сентилера»,
ок. 1721 г.

336 Аннотированный именной указатель

О книге

Для публикации в этой книге отобраны документы, выявленные нами в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Парижа, Лондона, Вены и Стокгольма. Это письма самого Сент-Илера, основателя Морской академии в Санкт-Петербурге; письма к нему; некоторые посвященные ему официальные документы; а также проекты нормативных актов, которые он разрабатывал, находясь на российской службе. Несколько особняком стоит публикуемая переписка графа А.А. Матвеева с А.В. Макаровым, секретарем Петра I, за 1716–1717 гг., на которые пришелся конфликт Матвеева с Сент-Илером, разгоревшийся вокруг Морской академии. В этих письмах содержится важная информация о ходе конфликта, о позиции Матвеева, об обстоятельствах принятия Петром решения об увольнении Сент-Илера. Здесь же пересказываются или прилагаются и письма барона Матвееву. Вместе с тем содержание переписки этим не исчерпывается, в некоторых письмах французский авантюрист вообще едва упоминается.

Текст документов, написанных на русском языке, передается с точным сохранением стилистических и фонетических (т.е. с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими тот же звук) особенностей документа. Мягкий и твердый знаки употребляются согласно современному правописанию. Деление текста на слова и предложения проводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, проставляются необходимые по смыслу знаки препинания. Приписки, сделанные в документе его автором, вносятся в строку и обозначаются фигурными скобками {}, причем авторские знаки сноски снимаются. Авторские скобки передаются круглыми скобками (), квадратными скобками [] обозначается текст, вносимый публикатором.

Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрываются, восстановленные слова не выделяются. Выносные буквы вносятся в строку без выделения. Пропущенные в документе и восстановленные по смыслу слова воспроизводятся в квадратных скобках. Непрочтенный из-за повреждения документа (обрыв, стертость от ветхости, разрыв, пятна,

выцветание), а также неразобранный текст отмечается отточием в квадратных скобках. Сокращения в общепринятых формулах вежливости и титулатуре не используются.

Прописные и строчные буквы при публикации текста документов употребляются в основном в соответствии с современными правилами орфографии. Орфографические ошибки, явные описки (двукратное написание отдельных букв, слогов, слов, перестановка букв, пропуск букв) устраняются в тексте. Подписи воспроизводятся после текста документа на том языке, на котором они были сделаны, с новой строки независимо от того, где они стояли на публикуемом документе.

Иноязычные документы публикуются на языке оригинала и в русском переводе. Перевод источников с французского языка выполнил Д.А. Кондаков, с немецкого — О.А. Кирикова, с испанского — К. Гуа, с английского — И.И. Федюкин. Текст документов на французском языке был обработан таким образом, чтобы, существенно не нарушая принципы орфографии и пунктуации начала XVIII в., мы могли сделать его удобным для чтения. Таким образом, нам пришлось произвести некоторые вставки и замены.

Расстановка знаков препинания была в целом сохранена, в редких случаях для лучшего понимания текста были вставлены запятые.

Правописание в некоторых случаях было модернизировано для удобства чтения. Вот наиболее частые случаи замен, не отмеченные специально:

— для устранения омонимии: a → à, autorise → autorisé, ce → se, cet → c'est, cy → si, don → dont, du → dû, la → là, la → l'a, ma → m'a, ni → n'y, prix → pris, puis que → puisque, quelle → qu'elle, qu'elle → quelle, ses → ces, s'est → c'est, si → ci, si → s'y, sur → sûr, votre → vôtre;

— добавление диакритических знаков в целях приведения в соответствие с современными графико-фонетическими нормами: alle → allé, apres → après, aupres → auprès, ches → chés, etes → étés, pres → près, tres → très;

— добавление апострофа: cest → c'est, den → d'en, jay → j'ay, na → n'a, quil → qu'il, sil → s'il;

— добавление дефисов: ci devant → ci-devant, ci joint → ci-joint, demi heure → demi-heure, peut être → peut-être.

В случае значительных отклонений от норм правописания, неясностей или описок, делающих текст неудобопонятным, были сделаны подстановки в квадратных скобках: acodera [=accordera], aprezant [=à présent], fere [=faire], feux [=fus], insigne [=indigne], invasion [=invasion], surétte [=sûreté].

В случае существенных грамматических ошибок, таких как несогласование артиклей и прилагательных с существительным во множественном числе, употребление одних глагольных форм вместо других, также были произведены добавления (реже подстановки) в квадратных скобках.

В написании имен собственных, этнонимов и топонимов строчные буквы были заменены на заглавные. В именах нарицательных первая заглавная буква была заменена на строчную. Первая заглавная буква сохранялась (но не добавлялась) в написании титулов, должностей и названий учреждений. Сокращения в общепринятых формулах вежливости и титулатуре были раскрыты без специальных оговорок.

Письменная речь позволяет многое сказать о человеке, и барон де Сент-Илер — не исключение из этого правила. Прежде всего в его письмах, донесениях, проектах заметна ориентация на высокий стиль, который отличают следование нормам эпистолярного этикета, логичность в построении отдельных предложений и целых абзацев, внимание к пунктуации. Очевидно, что Сент-Илер получил определенное образование и воспитание, позволяющие ему не путать устную речь с письменной, прямой разговор с опосредованным обращением. Вместе с тем легко заметить, что барон не зарабатывал на жизнь только пером — отсюда его «невнимательность» к грамматике и орфографии. Тексты Сент-Илера грешат фонетическим правописанием, но не столь часто, чтобы характеризовать его как человека неграмотного и недостойного общаться на письме с сильными мира сего.

* * *

Неоценимую помощь в работе над этим изданием оказали А.Ф. Строев, Д.О. Серов, С.А. Мезин, К. Гуа, А.О. Видничук, О.В. Русаковский. Вся ответственность за остающиеся в тексте ошибки и неточности, разумеется, лежит на составителе.

Игорь Федюкин, Денис Кондаков

Список сокращений

- АМАЕ — Archives du Ministère des Affaires Etrangères (Париж, Франция)
- AN — Archives Nationales (Париж, Франция)
- BL — British Library (Лондон, Великобритания)
- NA — National Archives (Лондон, Великобритания)
- ОЕСТА/ННСТА — Österreichischen Staatsarchiv/Haus, Hof- und Staatsarchive (Вена, Австрия)
- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи (Москва)
- НИА СПбИИ РАН — Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
- РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота (Санкт-Петербург)
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
- ПСЗ РИ I — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. Т. 1–45. СПб.: Тип. II Отделения С. Е. И. В. Канцелярии, 1830
- СИРИО — Сборник Императорского Российского исторического общества
- ЧОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете

«Мнимый барон
без всякой дипломы»:
Жизнь и похождения
Жозефа де Сент-Илера
в России и в Европе

Игорь Федюкин

Прожектеры, авантюристы, искатели фортуны и государство раннего Нового времени

«Барон Сент-Илер, принятый в службу с чином генерал-майора, был человек замечательный по своим знаниям, смелым проектам и самому неуживчивому характеру <...>. Поступив в русскую службу, он не умел, или не хотел применяться к лицам и обстоятельствам», — так описывал капитан-лейтенант Ф.Ф. Веселаго, впоследствии ставший выдающимся историком российского флота, первого директора Морской академии, основанной в 1715 г. в Санкт-Петербурге¹. К сожалению, этим высказыванием он и ограничился: сообщить хоть какие-то дополнительные сведения о личности этого эксперта, о его предшествующем опыте и «замечательных знаниях» ни сам Веселаго, ни последующие историки не могли, а может быть, и не сочли возможным. Между тем Морская академия занимает, конечно, исключительное место в истории отечественного образования: она имеет все основания претендовать на звание первого «регулярного» учебного заведения в стране. Тем примечательнее оказывается фигура ее основателя².

Увы, при ближайшем рассмотрении оказывается, что приглашенный Петром I французский «специалист» был самым настоящим самозванцем и, называя вещи своими именами, международным авантюристом. Сомнений нет: обнаруженные в последнее время документы, в том числе из французских, английских, шведских и иных архивов, не только позволяют детально реконструировать его биографию, но и ясно показывают, что этот генерал российской службы не только не имел баронского титула, но даже и звался не Сент-Илером; не было у него и никаких особых познаний ни в области образования, ни в области военно-морского дела. Как же тогда быть с его многочисленными «смелыми» (как их называл Веселаго) проектами и с его директорством в Морской академии? Следует

¹ Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб.: Тип. Морского Кадетского корпуса, 1852. С. 37.

² О Сент-Илере см. также: Федюкин И.И. Основание Морской академии: Документы барона де Сент-Илера и его преемников, 1715–1723 // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / науч. ред. И.И. Федюкин, М.Б. Лавринович. М.: Новое издательство, 2015. С. 34–68; Иностранцы-специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи, 1682–1727 / под ред. В.С. Ржеуцкого и Д.Ю. Гувевича, при участии А. Мезен. Москва, Ломоносовь, 2018. С. 354–358.

ли нам теперь считать их не «смелыми», а абсурдными и безграмотными? В действительности все оказывается еще запутанней.

Сам Веселаго хотя и находил у Сент-Илера «замечательные знания», не готов был признавать его основателем Морской академии: историк полагал, что проект француза «не имел влияния на образование нового училища»³. Но на самом деле инструкция Морской академии, устанавливающая порядок учения и содержания учеников и датированная в Полном собрании законов Российской империи 1 октября 1715 г., была составлена именно Сент-Илером и утверждена Петром I по его настоятельной просьбе. И именно в проектах Сент-Илера находим мы и первые упоминания о самой идее создания Морской академии (хотя, разумеется, вообще мысль о необходимости обучения молодых дворян морскому делу и витала тогда в воздухе). Готовы ли мы допустить, что проходимец и искатель приключений все же способен создавать что-то осмысленное и полезное, — или же, опознав в Сент-Илере самозванца, мы обязаны ретроспективно отказать ему в любом содержательном вкладе в основание первого регулярного училища в России?

Неопределенность эта весьма характерна: при ближайшем рассмотрении Сент-Илер оказывается ярким представителем общеевропейского типажа авантюриста и прожектера раннего Нового времени⁴. В самом

³ Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса... С. 40.

⁴ Об авантюристах см.: *Roth S. Les Aventuriers au XVIIIe siècle*. Paris: Editions Galilée, 1980. *Строгов А.Ф.* «Те, кто поправляет фортуна»: Авантюристы эпохи просвещения. М.: НЛЮ, 1998. Недавний обзор литературы о самозванчестве в эпоху Просвещения, а также типологию тех ситуаций, в которых становилась возможной смена, корректировка или неопределенность социальных статусов и идентичностей, см. в: *Abad R. La falsification d'identité en France, du règne personnel de Louis XIV à la veille de la Révolution // French Historical Studies*. 2016. Vol. 39. No. 3. P. 471–508. О прожектерах и эпохе прожектерства см.: *Novak M.E. Introduction // The Age of Projects / M.E. Novak (ed.)*. Toronto: University of Toronto Press, 2008. P. 3–28. Обзор историографии по этому вопросу см.: *Keller V., McCormick T. Towards a History of Projects // Early Science and Medicine*. 2016. Vol. 21. No. 5. P. 423–44. О «прибыльщиках» и прожектерах России см., среди прочего, *Павлов-Сильванский Н.П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897; переизд.: М.: ГПИИВ, 2000; *Клочков М.В.* Прибыльщики и доносители петровского времени // Записки Императорского Харьковского университета. 1915. Кн. 3. С. 1–16; *Андриайнен С.В.* Империя проектов: государственная деятельность П.И. Шувалова. СПб.: Изд-во СПбГУ-ЭФ, 2011; *Прокопенко Я.И.* «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013. С. 323–337; *Bartlett R. Projects and Peasants: Russia's Eighteenth Century*. London: SSEES University College London, 2000;

деле, детальная реконструкция походов барона напоминает нам, что он был вовсе не уникален: следя за его приключениями, мы постоянно натываемся где-то неподалеку от него на аналогичных «проектеров», которые реализуют или пытаются реализовать весьма схожие схемы, и которые пользуются аналогичными приемами самоизобретательства. В частности, на расстоянии буквально пары рукопожатий от него нам встречаются два самых легендарных авантюриста эпохи, граф Клод Александр де Бонневаль, прославившийся несколько позднее под именем Ахмад-паша как реформатор оттоманской артиллерии, и финансист Джон Лоу, известный своей грандиозной финансовой пирамидой — Компанией Миссисипи. Более того, сами современники видят это сходство и прямо сравнивают Сент-Илера с другими проектерами.

В этом смысле важно, что известные нам похождения француза не ограничиваются Россией. Легко было бы себе представить, что иностранный мошенник воспользовался наивным увлечением Петра I и его соратников всем «западным», чтобы выдать себя за того, кем он не являлся; чтобы продать русским «секреты» и познания, которыми он на самом деле не обладал; чтобы переизобрести себя заново и присвоить себе комически высокий статус в далекой «дикой» стране. Граница между Россией и Европой в этом случае оказалась бы и границей между пространством «цивилизации», где знают цену настоящему знанию и умеют отличить эксперта от самозванца, и краем легковых «дикарей», где этой разницы пока еще не понимают и где можно «обнулить» свое прошлое и придумать себе новую биографию. И в самом деле, в одном из своих поздних писем француз прямо именуется русских «варварами». Однако российским приключениям Сент-Илера предшествовали похождения и авантюры на Пиренейском полуострове, в Англии, в Священной Римской империи, — практически по всей Европе. До того как предстать при дворе Петра, он общался с британскими министрами и императорскими наместниками, а дворянство и баронский титул он присвоил себе не при пересечении российской границы, а где-то на полпути между Гаагой и Веной; потерпев же неудачу в России, он, как ни в чем ни бывало, отправился предлагать себя в качестве эксперта при шведском дворе. Именно в этот момент, кстати, Сент-Илер, по вполне понятным причинам, и вспоминает о «варварстве» русских. Если взглянуть на историю его походов с этой стороны, то петровская Россия не выглядит

Bartlett R. Utopians and Projectors in Eighteenth-Century Russia // Russian Culture and Society and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony G. Cross / R. Bartlett, L. Hughes (eds). Münster: LIT, 2004. P. 98–115.

уникально благоприятным для самозванчества заповедником простаков. Наоборот, оказывается, что она удивительно тесно интегрирована в общеевропейское пространство: авантюрист перемещается из Мессины в Санкт-Петербург столь же легко и непринужденно, как из Гааги в Вену.

Случай Сент-Илера предоставляет богатый материал для изучения этого явления, и данная книга задумана как своего рода документальная хроника походов авантюриста, которые, как оказалось, неплохо отражены в архивных источниках по всей Европе. Собранные здесь документы включают как собственные письма француза, так и посвященную ему официальную переписку и некоторые другие бумаги, извлеченные из архивов Лондона, Парижа, Вены, Стокгольма — и, конечно, Москвы и Санкт-Петербурга. В этих документах нас интересует прежде всего механика авантюры, политическая тактика авантюриста и те риторические приемы, с помощью которых он переизобретает и «продает» себя, приравниваясь к изменяющимся обстоятельствам; те социальные и культурные реалии эпохи, которые и делали существование подобных персонажей возможным; а также грань между ними и теми, кого обычно не принято относить к категории авантюристов.

В самом деле, для современного читателя само появление таких фигур, как Сент-Илер, выглядит, конечно, удивительным. Как могли монархи и министры принимать его всерьез? Однако в реалиях начала XVIII в. все далеко не так очевидно. Во-первых, история Сент-Илера напоминает нам, что сам статус «эксперта» в ту эпоху только формировался. Знания и умения, особенно прикладные, носили по большей части характер «мастерства», приобретались ученичеством и долговременной практикой: это относилось и к низменным техническим профессиям, мало отличимым еще от ремесла, и к благородным искусствам дипломатии, войны, судовождения⁵. Кодификация и стандартизация прикладных навыков были еще впереди; представление о том, что им можно научиться в школе, только появлялось (и Морская академия была одной из первых таких школ в Европе). С другой стороны, объем циркулирующих знаний быстро расширялся, как расширялась и институциональная инфраструктура государства, его административный аппарат; постоянно появлялись новые протопрофессии. Общепринятых методов сертификации мастерства в этих областях практически не существовало, за исключением рекомендательных писем и дипломов/патентов на чин, полученных на предыдущем месте службы. Примечательно, что в этом отношении к Сент-Илеру трудно придаться:

⁵ См.: *Ash E.H. Introduction: Expertise and the Early Modern State // Osiris. 2010. Vol. 25. No. 1. P. 1–24*, и другие статьи в этом специальном номере.

у него-то, оказывается, был патент, действительно выданный ему ни много ни мало самим императором Священной Римской империи. Но, вообще говоря, квалификация толковалась гораздо шире: для того чтобы претендовать на роль знатока, достаточно было предшествующего опыта или даже просто происхождения из той или иной местности. По мнению Джорджа Маккензи, британского резидента в Санкт-Петербурге, Сент-Илер вполне подходил для реализации предлагаемых им в России проектов, поскольку он-де «вырос в Тулоне (*he was bred up in Toulon*)», в портовом городе. Он видел (или мог видеть), как морское управление было устроено во Франции, общался (или мог общаться) с опытными в этой сфере людьми — из таких элементов и строится в то время представление о квалификации⁶.

Одной из возникающих в это время протопрофессий, в которой Сент-Илер и подвизался в России, было управление училищами. В самом деле, если наш герой не подходил на роль директора Морской академии, то кого, в реалиях той эпохи, мы бы сочли для этого достаточно квалифицированным? «Экспертов» подобного профиля, специалистов по администрированию обучения просто не существовало; более того, в большинстве европейских стран не было и подобных учебных заведений. Назначить опытного морского капитана? Но подавляющее большинство капитанов и адмиралов в Европе никогда не учились в таких школах и понятия не имели о преподавании. Поставить во главе училища знающего математика? Но подобный человек по своему социальному статусу, скорее всего, не подошел бы для командования «морской гвардией». Показательно, что Сент-Илера сменил во главе Морской академии граф А.А. Матвеев, человек выдающийся, но имевший, конечно, к военно-морскому образованию отношения ничуть не больше, а пожалуй, и меньше чем француз-авантюрист. В самом деле, Матвеев никогда не служил во флоте; не преподавал и даже не учился в школе; ничего нам не известно и о его возможных познаниях в математике. В отличие от него, Сент-Илер все же имел какой-то опыт на море, вполне может быть, что достаточно обширный. Тем не менее обвинить Матвеева в том, что он не подходит на роль начальника Морской академии, нам в голову не приходит. Объявляя Сент-Илера заведомо негодным в директора такого училища, не воспроизводим ли мы просто социальные стереотипы XVIII столетия, предполагающие, что вельможа-дилетант заведомо подходит на любую руководящую позицию — в отличие от дилетанта-простолюдина?

⁶ Донесение Маккензи от 20 января 1715 г. NA. State Papers. Foreign. Russia. SP 91/8. F. 134.

Но дело не только в этом: граница между авантюристом и не-авантюристом оказывается весьма неопределенной еще и потому, что вполне себе «настоящие» государственные деятели той эпохи на поверку пользуются теми же самыми приемами, что и авантюрист Сент-Илер. Хотя в биографических словарях они значатся как полноправные эксперты, министры и дипломаты, при ближайшем рассмотрении оказывается, что и они тоже изобретают себе биографию, приписывают себе заслуги, сочиняют «прожекты», пытаются поймать фортуна за хвост. Многим из них удается строить вполне успешные карьеры, добиваться высоких постов, затевать действительно грандиозные политические предприятия. Но действительно ли эти сановники и генералы радикально отличались от Сент-Илера, или же мы приписываем им эти отличия ретроспективно, по принципу «мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе»? Чем так уж принципиально отличается наш «мнимый барон без всякой дипломы» от целого ряда иностранцев, сыгравших важную роль в петровское царствование, например, от Франца Лефорта; от шпиона и эксперта в области государственного управления Генриха Фика; от своего конкурента в России, французского морского агента, проходимца и прожектера Анри Лави; и от многих, многих других — не говоря уже о самом Александре Даниловиче Меншикове? Действительно ли провал Сент-Илера был предопределен, поскольку он являлся самозванцем и авантюристом, — или все дело в случайности, в его неуживчивом характере? Возможно, если бы не ссора с Матвеевым, Сент-Илер вошел бы в историю как один из ценных экспертов, так удачно приглашенных Петром I на русскую службу, а биография француза красовалась бы в книгах по истории русского флота рядом с биографиями Крюйса, Фархварсона или его соотечественника Никиты Петровича Вильбуа?

Наконец, похождения Сент-Илера наглядно иллюстрируют и те особенности формирующегося государства раннего Нового времени, которые сделали возможным появление и функционирование таких прожектеров. Государственный аппарат носит в эту эпоху весьма рудиментарный характер, поэтому государи и их министры не могут не обращаться к подобным предпринимателям, когда им нужна информация, когда необходимо разработать какие-то планы реформ или сформулировать новые инициативы, когда требуется найти человека для выполнения важного задания. Первый этап приключений Сент-Илера приходится на годы Войны за испанское наследство, и как отмечает, например, исследователь британской политики в отношении американских территорий, «помимо защиты статуса кво, у Уайтхолла не было собственных существенных

имперских планов». Все заметные шаги на этом фронте были именно инициативами прожектеров: министры в Лондоне не имели почти никаких сведений о ситуации на местах и могли лишь поддерживать или отвергать те или иные поступающие к ним предложения. Предложения эти, разумеется, подразумевали соответствующее вознаграждение их авторам⁷.

Именно на подобных Сент-Илеру авантюристов и сомнительных персонажей опиралась и разведка: если британцы в противостоянии с Францией пытались использовать искателей приключений из числа эмигрантов-гугенотов, обладавших (или делавших вид, что обладают) нужными контактами и сведениями о положении дел на родине, то французы в свою очередь опирались на якобитов, шотландских и ирландских эмигрантов, католиков. Многие из них в итоге оказывались двойными и тройными агентами или мошенниками, пытающимися надуть своих нанимателей. Зачастую ключевые дипломатические инициативы начинались через неформальные контакты при посредничестве как раз таких авантюристов: именно через неофициального представителя, аббата Франсуа Готье, Англия и Франция начали в 1710 г. прощупывать почву для сепаратных переговоров о мире. В январе 1711 г. Готье привез в Лондон устные предложения от французского министра иностранных дел Жана-Батиста Кольбера, маркиза де Торси, в марте он вернулся в Версаль с английскими контрпредложениями, в апреле 1711 г. Версаль направил в Лондон уже письменные предложения об условиях прекращения конфликта, которые в итоге вылились в Утрехтский мир⁸. На фоне подобных операций или вечных якобитских заговоров затеваемые Сент-Илером международные интриги вовсе не выглядят из ряда вон выходящими и заведомо абсурдными.

Способствовал, конечно, успеху подобных авантюристов и крайне персонифицированный характер политики и государственного управления того времени. Государственные дела не вполне отделены еще в тот период от дел личных, служебные отношения — от личного приятельства и патрон-клиентских связей. Важнейшие политические вопросы решаются в частной переписке между министрами, роль аппарата выполняет узкий круг приближенных, родственников и личных слуг сановника. Соответственно, не вызывает особого удивления привлечение министром для выполнения деликатных поручений человека, не имеющего официального

⁷ Alsop J.D. The Age of the Projectors: British Imperial Strategy in the North Atlantic in the War of Spanish Succession // *Acadiensis*. 1991. Vol. 21. No. 1. P. 30–53.

⁸ Frey L., Frey M. The Treaties of the War of the Spanish Succession: A Historical and Critical Dictionary. Westport, CT: Greenwood Press, 1995. P. 177–179.

статуса, но пользующегося — якобы — его доверием. И наоборот, после падения того или иного министра в результате придворной интриги, авантюрист вроде Сент-Илера получает возможность списать на него свои предыдущие неприятности, объяснить сомнительные эпизоды в своей биографии происками недоброжелателей.

Наконец, трансформация Сент-Илера из (бывшего) французского негоцианта в (бывшего) императорского военно-морского чиновника в (бывшего) генерал царской службы становится возможной в том числе благодаря характерному для той эпохи «информационному туману», который хорошо заметен в публикуемых здесь бумагах. С практической точки зрения проверить, что в рассказах Сент-Илера является правдой, а что вымыслом, для современников было непросто. В реалиях начала XVIII в. у них могло просто не быть для этого инструментов, надежных альтернативных источников информации — зачастую только от таких вот сомнительных авантюристов и можно было получить хоть какую-то информацию об иностранных государствах вообще. Информация эта по определению препарировалась и подавалась ими исходя из их собственных конъюнктурных целей. Например, в 1718 г. русские власти получают донос, разоблачающий Сент-Илера, — но в нем же содержится и аналогичное, даже более развернутое разоблачение шевалье де Вертона, вполне легитимного королевского придворного, которого Франция действительно собиралась направить в Россию послом. В 1715 г., вскоре после назначения Сент-Илера директором Морской академии, в Россию возвращается граф Матвеев, который мог бы разоблачить авантюриста, — но незадолго до того царь получил из Вены анонимный донос и на самого Матвеева.

Разумеется, доносы эти были прямо увязаны с придворными и дипломатическими интригами, нацелены на дискредитацию оппонента — поэтому-то получатель их неизбежно воспринимает такие сообщения с долей скепсиса. И наоборот, собеседники Сент-Илера иногда и сами не слишком стремятся к разоблачению самозванца. Вообще говоря, мы видим, что успех, пусть и временный, приходит к нему именно тогда, когда тот или иной сановник оказывается заинтересован в том, чтобы излагаемая авантюристом версия оказалась правдой, — а вернее, когда авантюристу удается подстроить свой нарратив под интересы собеседников. Практически на всех этапах своих приключений Сент-Илер уже с самого начала вызывает некоторые сомнения — но сомнения эти до определенного момента игнорируются.

В условиях такого информационного тумана статус человека во многом определяется его самопрезентацией и сопровождающими его

слухами: авантюрист активно общается, рассказывает окружающим свою биографию — и самим этим актом говорения устанавливает свой социальный статус. Факт предшествующих контактов с видными государственными деятелями в дальнейшем позволяет представить себя как человека со связями — даже если контакты эти кончились плохо или ограничились общими разговорами. Полученные в таком разговоре сведения тут же пересказываются другим контрагентам, чтобы представить себя как человека информированного. Огромную роль, конечно, играют рекомендательные письма, которыми француз запасается при каждой возможности.

При этом в публикуемых здесь документах хорошо видны и пределы вымысла, который позволяет себе наш герой. Сент-Илер не сочиняет собственную жизнь с нуля, не пытается представить себя блестящим принцем Голконды или таинственным магистром ордена иллюминатов, как это будут делать многие «классические» авантюристы второй половины XVIII в. Наоборот, как кажется, он в максимально возможной степени опирается на потенциально верифицируемые факты, додумывая или «подправляя» свое прошлое лишь там, где это необходимо, зачастую на уровне не столько даже фактов, сколько их интерпретаций. Добившись некоторого, временного и неустойчивого, успеха в одной из попадающихся на его пути столиц, Сент-Илер фиксирует соответствующий статус в рекомендательных письмах и движется дальше. Наоборот, серьезное вранье при этом мы видим не так уж часто. Как кажется, он все же придумал летом 1712 г. свое дворянство; выдуманными, скорее всего, являются и рассказы проходимца о конфискованном у него во Франции и Испании состоянии. В остальном же речь идет о творческой перекомпоновке фактов, об их избирательном использовании и избирательном умолчании, о все новых и новых трактовках действительно имевших место событий. Оказавшись на новом месте, он как бы выводит за скобки те неприятности и скандалы, которыми неизбежно завершается предшествующий эпизод, и, опираясь на полученные ранее рекомендации, «надстраивает» свою биографию.

Но на примере Сент-Илера мы также видим, как функционируют общеевропейские каналы сбора и распространения информации, которыми все больше пользуется и Россия. Франция опирается на разветвленную сеть консулов и дипломатических представителей, чтобы отслеживать перемещения Сент-Илера в Италии; российские дипломаты ведут активную переписку не только с правительством в столице, но и друг с другом, сообщая коллегам о происходящем в странах их пребывания и передавая по цепочке получаемую от них информацию. Свою роль начинает играть

и пресса: оказывается, даже о таком третьестепенном персонаже, как Сент-Илер, заинтересованные современники могли узнать из газет. При этом сообщения эти, насколько мы можем судить, не являются полной выдумкой: все обнаруженные нами газетные заметки о Сент-Илере как минимум не противоречат другим известным нам источникам. В итоге мы видим, как люди и слухи постоянно перемещаются по континенту, и Сент-Илер все чаще сталкивается с отзвуками своих предыдущих походов. Он все чаще вынужден не только излагать собственную версию своей биографии, но и опровергать альтернативные версии.

Поэтому-то тактика авантюриста требует регулярного перемещения из одной страны в другую. Видимо, не случайно мы теряем след Сент-Илера вскоре после того, как завершилась неудачей его авантюра в Швеции: француз добрался до крайней точки Европы, куда же ему двигаться дальше? Смог бы он вернуться в одну из уже «отработанных» им стран, в Англию или в свою родную Францию (и такие попытки он регулярно предпринимает) — или же ему пришлось бы идти на более радикальный шаг, отправиться в Османскую империю или в американские колонии? Как мы увидим, на каждом этапе своего пути Сент-Илер обязательно заводит разговор о возвращении назад, пытается переиграть предыдущий эпизод, выжать что-то еще из прошлого места службы — но не случайно это ему, как кажется, ни разу не удается.

За Пиренеями

Подробное изложение ранних походов авантюриста мы находим в документах французского Совета морского флота (*Conseil de la Marine*). К тому времени королевские агенты уже давно держали его в сфере своего внимания, и 6 января 1716 г. чиновники добавили детальную биографическую справку прямо в протокольной книге, на полях соответствующей записи (документ 1)⁹. Если верить этому документу, основные факты таковы: будущий «барон» родился в Тулоне, в мещанской семье и носил фамилию Аллер (*Allaire*), был негодником в Байонне, затем попался на мошенничестве со страховкой («составив подложный страховой контракт на корабельный груз, по которому тот груз был дорого оценен и застрахован, а меж тем тюки, сундуки и ящики были заполнены лишь камнями и травой»). Адмиралтейские власти Байонны приговорили его к галерам, однако поймать мошенника им не удалось: Аллер скрылся

⁹ AN. Marine. В⁷ 28. F. 129–130 (примечания на полях).

в Испании, где в это время шли военные действия между франко-испанской и англо-португальской армиями в рамках Войны за испанское наследство. К концу 1710 г. наш герой каким-то образом вошел в доверие к французскому военачальнику на испанской службе маркизу де Бэ. В октябре 1710 г. де Бэ поручил Аллеру быть посредником в переговорах о сепаратном мире с Португалией. Аллер вступил в контакт с португальскими министрами и до марта 1711 г. курсировал с тайными посланиями между штаб-квартирой де Бэ и Лиссабоном — а затем переметнулся вместе с доверенными ему депешами к англичанам, точнее, к лорду Портмору, командующему британскими войсками в Португалии.

Так факты излагаются чиновниками французского морского ведомства, которое однозначно считало Аллера предателем. В нашем распоряжении, однако, есть несколько документов, где эти же события описывает сам авантюрист: на их примере хорошо видно, как он манипулирует информацией и вполне сознательно конструирует нарратив собственной жизни в зависимости от того, к кому он в данный момент адресует. Самый ранний такой документ — это отчет о переговорах в Португалии, который Аллер предоставил англичанам, когда перешел на их сторону (документ 2)¹⁰. Здесь авантюрист подтверждает основные факты своей ранней биографии, известные нам из справки 1716 г.: он действительно купец из Байонны, его родной город действительно Тулон. Свою фамилию, однако, он здесь пишет иначе: не *Allaire*, а *Hallere*. Следует полагать, что мы имеем дело с сознательным переименованием авантюристом своей фамилии с *Allaire* на *Hallere*, или для того чтобы замести следы, или же, например, потому что написание *Hallere* могло казаться ему более комфортным для английского глаза. По-французски *Allaire* и *Hallere* произносятся практически идентично, но англичанин с большой вероятностью прочитал бы *Hallere* как «Халлер»: соответственно, чтобы отразить эволюцию саморепрезентации нашего героя, именно Халлером мы его и будем далее именовать.

Написание фамилии главного героя — не единственное различие между версиями его похождения, изложенными в справке из дел Совета морского флота и в его собственном отчете англичанам. О приговоре за мошенничество Халлер, конечно, не упоминает: по его версии, принадлежавший ему корабль, груженный железом и другими товарами, был остановлен у берегов Испании французским корсаром, и, поскольку на борту нашли бумаги, где упоминался Лиссабон, его (несправедливо) обвинили в торговле с неприятелем и конфисковали груз. Халлер,

¹⁰ NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 97–101 v.

по его словам, стал добиваться получения страховки — и обратился за протекцией к де Бэ, к которому у него было рекомендательное письмо. Тут-то маркиз и предложил ему, как верному подданному французского короля, сослужить Бурбонам добрую службу: «обратиться к португальцам с предложением заключить с обоими королевствами мирный договор на особых условиях и всячески заверить их, что они получают такие преимущества, каких только пожелают». Халлер, по его словам, действительно вступил в переговоры с португальцами, те выказали заинтересованность, и авантюрист совершил еще несколько поездок между Лиссабоном и французским лагерем. Дальше, однако, дело разладилось: он якобы навлек на себя неудовольствие маркиза де Бэ, написав без его ведома напрямую герцогу Вандомскому, французскому военачальнику, на тот момент — командующему армиями испанского короля Филиппа. Де Бэ обвинил Халлера в намерении присвоить себе все лавры в случае успешного завершения переговоров, а затем стал темнить и заявил даже, что «вовсе не желает заключения договора, и что когда вступит в кампанию, то сам сделает новые предложения португальским генералам». Португальцы тоже стали относиться к Халлеру с недоверием. В этой ситуации ему ничего иного и не оставалось, как выйти из игры: «Я не знал, что и думать обо всей этой суете вокруг меня, понимал ясно, что мне нет доверия и что в итоге мне не захотели отвести никакой роли в этом деле, потому и решил придать его огласке», объясняет он свое поведение англичанам. Авантюрист стремится предстать в их глазах не предателем своих прежних хозяев, но честным человеком, которого именно поведение де Бэ и португальцев вынудило к неоднозначному поступку.

Другая версия событий излагается в объяснительной, которую авантюрист в начале 1719 г. направил французским властям (документ 58)¹¹. Здесь он неожиданно представляет себя как человека, который «оказал важные услуги государству», т.е. Франции. Как истинный патриот, сам он не нуждался в награде: в частности, хотя все эти годы его имя мешали с грязью по всей Европе, он — в интересах дела — молчал о подлинных обстоятельствах пиренейской интриги. На самом же деле, как объяснял авантюрист, он вовсе не был предателем: наоборот, известить англичан о готовности Португалии на сепаратный мир с Бурбонами ему поручил сам де Бэ. Сначала переговоры о мире и вправду велись, но, когда стало ясно, что Лиссабон не готов сделать решительный шаг к разрыву с Лондоном, де Бэ задумал использовать сам факт тайных сношений,

¹¹ AMAE. Correspondance politique. Russie. Supplement 2. F. 274–275 v.

чтобы дискредитировать португальцев в глазах англичан и посеять среди союзников рознь. Именно для этого авантюристу и было поручено передать секретные письма англичанам: этот шаг был якобы частью дипломатической игры. Очень кстати сам де Бэ умер как раз в 1715 г. и не мог ни подтвердить, ни опровергнуть эту историю.

Наконец, еще одна версия тех событий предлагается в письме, которое авантюрист в октябре 1715 г. направил на имя Петра I: вероятно, царь услышал о прошлом француза и потребовал объяснений. Помимо французского оригинала (документ 27)¹², мы публикуем здесь и выполненный несколько позднее — видимо, для Петра — сокращенный перевод, который любопытен с точки зрения того языка, который русские современники могли использовать для описания соответствующих реалий (документ 28)¹³. Здесь наш герой также утверждает, что никогда не был предателем, но легенда у него другая: якобы он с самого начала был тайным агентом на службе у англичан, «в Португалии в службе сего короля, на плате королевы аглинской». При этом переговоры о мире вел не он, а некий другой француз, которого Халлер якобы поймал и передал англичанам. Более того, в этой версии оказывается, что сепаратный мир не просто обсуждался португальцами, но был заключен — и именно текст этого договора был обнаружен у пойманного Халлером француза. Таким образом, передав англичанам документы о переговорах португальцев с маркизом де Бэ, Халлер никого не предавал, но наоборот, выполнил свой долг и ловко провел разведывательную операцию. Более того, он даже уверяет Петра, что в память его прежних достижений ему теперь поступило из Англии новое привлекательное предложение о службе (которое он, как верный слуга русского монарха, отверг). Авантюрист не просто отрицает обвинение в мошенничестве, но и пытается истолковать ситуацию в свою пользу, превратить весь эпизод в еще одно подтверждение собственной квалификации и набить себе цену в глазах своего нынешнего нанимателя.

В ретроспективе для нас очевидно, конечно, что Халлер был мошенником и предателем, но тогда, весной 1711 г. даже сами англичане не могли быть вполне уверены в том, что же на самом деле произошло в Португалии. В подтверждение своего рассказа француз представил лорду Портмору письма, якобы полученные им от маркиза де Бэ, в которых действительно ведется речь о переговорах с португальцами (документы 2, 3)¹⁴.

¹² РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1715. Д. 3. Л. 1–2.

¹³ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 59–60.

¹⁴ NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 97–101 v., 103–104.

Удостовериться в их подлинности англичанам, конечно, было затруднительно, но даже если они и были подлинными, что из них следовало? Да, переговоры в них вроде бы упоминаются, и Халлер получает от де Бэ соответствующие инструкции, включая и описание территориальных уступок, на которые Испания готова будет пойти. Но если вчитаться внимательнее, то оказывается, что о заинтересованности Лиссабона в этих переговорах самому де Бэ известно только со слов Халлера. Так действительно ли португальцы участвовали в переговорах? Могло ли быть, что Халлер вовсе и не вступал в контакты с португальским правительством, а придумал эти контакты, чтобы придать себе важности в глазах де Бэ?

Проверить это у англичан не было никакой возможности. Тем не менее сразу после получения бумаг от Халлера Великобритания, разумеется, заявила португальцам решительный протест и потребовала объяснений. Португальцы в ответ, разумеется, все столь же решительно отрицали: выдвинутые французским купцом обвинения они объявили ложными и не заслуживающими внимания¹⁵. Тем не менее неопределенность сохранялась. Собственно, эта-то неопределенность, практическая невозможность верификации значительной части поступающих государственным мужам сведений и создавали пространство, в котором могли оперировать Халлер и подобные ему авантюристы. На фоне такой неопределенности сами сановники среди возможных интерпретаций получаемой информации зачастую выбирали те, которые соответствовали их интересам, — и это тоже было на руку авантюристу.

Весной и летом 1711 г. лорд Портмор продолжал уверять своих коллег в правдивости показаний Халлера¹⁶. Это вполне понятно, ведь именно к нему обратился Халлер со своими разоблачениями, и именно Портмор сообщил о них британскому правительству: дезавуировать их теперь генералу было бы сложно. Кроме того, подозрения в адрес португальцев были ему на руку: военные действия на Пиренеях шли в последнее время не слишком успешно, ситуация на этом театре виделась Портмору все более тупиковой, и возможность сослаться при всяком удобном случае на ненадежность португальских союзников была ему очень кстати. Другие британские представители в Португалии, впрочем, воспринимали сообщение Халлера более скептически. В письме к лорду Дартмуту,

¹⁵ Союзные представители Дьогу д Мендонсе, 20 апреля 1711 г.; ответ Дьогу д Мендонсы, 28 апреля 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 113–114, 120–121.

¹⁶ Экстракт из письма лорда Портмора в Лондон, 1 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 130–131.

государственному секретарю Южного департамента, дипломат Томас Леффевр (в 1709–1710 гг. поверенный в делах в Лиссабоне), характеризует француза как подозрительного типа и сомневается, что португальцы действительно пытались заключить сепаратный мир. Вместе с тем он допускает, что они были заинтересованы в неофициальном перемирии с Бурбонами, не желая при этом и порывать с англичанами (и терять английские субсидии). В итоге же он приходит к тому же практическому выводу, что и Портмор: британские усилия на Пиренейском полуострове пора сворачивать, поскольку толку от них все равно не предвидится¹⁷.

Подобная позиция становится типичной в английских правительственных кругах. С одной стороны, Халлер не производит впечатление надежного человека, особой веры ему, конечно, нет. С другой, его сообщение слишком серьезно, чтобы его игнорировать, — но и проверить его тоже невозможно. С третьей стороны, усталость от войны и разочарование в португальских союзниках стремительно нарастают. Как раз в 1711 г. к власти в Англии пришел новый кабинет тори во главе с лордом Оксфордом и виконтом Болингброком, настроенными именно на прекращение войны: многие британские дипломаты и военные начинают переориентировать соответствующим образом свои политические и карьерные стратегии. Все это диктует и восприятие ими Халлера: хотя он и сомнительный тип, но нет дыма без огня, наверное, что-то такое там было. В подобном ключе высказывается, например, британский консул Джон Мильнер в письме к Эразмусу Льюису, заместителю государственного секретаря и приятелю Свифта и Поупа¹⁸. Маловероятно, пишет он, что португальцы действительно стали бы всерьез вести такие переговоры через Халлера, человек без всякого статуса и опыта, и еще менее вероятно, что они решились бы разорвать отношения с Великобританией. Вместе с тем, полагает Льюис, весь этот эпизод отражает их недовольство общим ходом военных действий. В том же смысле высказывается в своих письмах и Джордж Делаваль, британский посол¹⁹.

Так все-таки были или нет переговоры? 1 мая британские представители встречались с португальским государственным секретарем Дьюгу д Мендонсой Корт-Реалем, который как раз и фигурирует в сообщении

¹⁷ Томас Леффевр — лорду Дартмуту, 1/12 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 136–139.

¹⁸ Джон Мильнер — Эразмусу Льюису, 12 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 140–141.

¹⁹ Джордж Делаваль — лорду Дартмуту, 16 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 185–186.

Халлера как главное действующее лицо в переговорах. Как сообщал лорд Портмор в Лондон, в ходе встречи «были представлены два письма от маркиза де Бэ к государственному секретарю [д Мендонсе], которые должны были дискредитировать открытие Халлера, но имели совершенно иной эффект». Британцы, настаивает Портмор, вернулись с этой встречи уверенными, что сообщение Халлера имело под собой почву. Еще бы: португальцы сами сознались, что какая-то переписка действительно имела место!²⁰ Однако другой британский участник встречи, дипломат Томас Леффевр, одновременно доносил в Лондон, что «рассказ француза маловероятен от начала и до конца». По его словам, госсекретарь д Мендонса уверяет, что вся эта интрига была затеяна де Бэ, чтобы посеять вражду между союзниками (впоследствии именно эту версию авантюрист предложит в свое оправдание французским властям) — но это сомнительно. Скорее Леффевр готов поверить, что речь идет об уловке португальцев, надеявшихся таким образом выбить себе дополнительные субсидии; и в любом случае, данный эпизод отражает общую истощенность страны. Вне зависимости от того, имели переговоры место или нет, ключевые лица при португальском дворе не желают больше вести активные военные действия — «никакого толку от этого союзника ожидать не приходится»²¹.

В дальнейшем никакой ясности не наступает, и британские дипломаты и военачальники продолжают интерпретировать происходящее каждый по-своему. В середине мая д Мендонса Корт-Реал сообщил Портмору, что португальский командир на границе получил от де Бэ очередное послание с просьбой дать пропуск его представителям для ведения переговоров. На это португальский король якобы велел ответить, что не будет рассматривать никакие предложения о мире, которые не обращены сразу ко всем союзникам, — и приказал сообщить об инциденте британцам²². Но в глазах Портмора это лишь подтверждало, что сообщение Халлера было «несомненно правдивым во всех деталях» и позволило «разрушить этот заговор», хотя генерал и был теперь готов допустить, что сам король не был в курсе ранее затеянных его министрами секретных переговоров²³.

²⁰ Экстракт донесения лорда Портмора лорду Дартмуту, 1 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 130–130 v.

²¹ Томас Леффевр — лорду Дартмуту, 1/12 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 135–138.

²² Дьогу д Мендонса — лорду Портмору, 15 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 158.

²³ Лорд Портмор — лорду Дартмуту, 17 мая (н.с.) 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 187–189.

В июне открывается летняя кампания, и все происходящее на фронте теперь воспринимается британцами сквозь призму сообщения Халлера — и наоборот, правдоподобность этого сообщения ретроспективно оценивается в зависимости от событий на фронте. В мае Энтони Корбьер, секретарь Делаваля, надеется, что раскрытие заговора подтолкнет португальцев к более активным действиям на границе²⁴. Сам Портмор считает, что именно необходимость оправдаться в глазах союзников заставила Лиссабон направить на фронт 12 тыс. человек и хлебные рационы на 40 дней²⁵. В общем, поведение португальцев в ближайшее время должно показать, насколько искренни они были, отрицая всякое намерение заключить сепаратный мир²⁶. Когда же оказывается, что португальские войска действуют вяло и неудачно, это воспринимается как доказательство правоты Халлера. В июне Портмор просто «убежден» в том, что переговоры имели место: как еще можно объяснить «эту притворную кампанию» («*this mock campaign*»)?²⁷ Теперь все его усилия пошли прахом, пишет генерал своему начальству. Он, похоже, вообще не видит больше смысла что-то предпринимать на этом фронте, ведь очевидно, что «все влиятельные лица при [португальском] дворе» симпатизируют французам. Из этого логично следует и предложение наградить Халлера²⁸. Понятно, что подобная награда зафиксирует его правоту, а значит, и правоту самого Портмора (и отсутствие его вины в неудачах на фронте). Овладевший британскими военными и дипломатами общий пессимизм, таким образом, оказывается для Халлера весьма кстати. Консул Джон Мильнер все еще сомневается, что португальцы планировали подписать с Бурбонами сепаратный мир, но полагает, что они «почти наверняка» заключили секретное соглашение об отказе от активных военных действий на границе²⁹. К этому времени кампания уже окончилась, ничего не достигнув и не успев даже толком начаться; войска расходятся по зимним квартирам. Еще месяц спустя Портмор уже

²⁴ Энтони Корбьер — Эразмусу Льюису, 13 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 144–145.

²⁵ Лорд Портмор — лорду Дартмуту, 14 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 154–155.

²⁶ Энтони Корбьер — Эразмусу Льюису, 13 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 152–153.

²⁷ Лорд Портмор — лорду Дартмуту, [18] июня 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 223.

²⁸ Лорд Портмор — лорду Дартмуту, 25 июня (н.с.) 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 230–231.

²⁹ Джон Мильнер — Ричарду Варре, 16 июня 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 216–217.

прямо пишет, что португальцы «бесполезны» как союзники, и просит отозвать его в Англию³⁰.

Французские министры тем временем сами пытались разобраться, что же происходит в Португалии. С одной стороны, маркиз де Бэ формально находился на испанской службе, и предполагаемые переговоры фигурируют во французской официальной переписке как «переговоры между Испанией и Португалией». Соответственно, сведения о них Париж вынужден добывать в том числе и косвенным путем, через свою агентурную сеть. Ключевую роль здесь играют консулы, в первую очередь консул в Кадисе, которые собирают слухи, опрашивают торговцев и заходящих в порт французских арматоров и торговых капитанов, и вообще всех французских подданных. В этом смысле предполагаемое обращение маркиза де Бэ к своему соотечественнику Аллеру вполне вписывается в обычные практики той эпохи. С другой стороны, Париж пребывает зимой 1711 г. в уверенности, что португальский «народ» устал от войны, и что португальский двор поэтому просто не может не стремиться к переговорам. Вне зависимости от того, была ли эта уверенность обоснованной или нет, она окрашивала восприятие происходящего французским министерством.

Сообщения о заинтересованности португальского двора в мире появляются в переписке уже 9 марта. В середине апреля Парижу известно о прибытии к де Бэ курьера (или курьеров?) из Лиссабона, и французских консулов настойчиво просят «информировать обо всем, что вы узнаете об этих переговорах». 27 апреля упоминается «лицо, которое прибыло из Лиссабона в Мериду для совещания с маркизом де Бэ, но вернулось в Португалию, не доведя дело до конца». 4 мая де Бэ было приказано возобновить активные боевые действия против англо-португальских сил, но и в мае, и в июне граф де Поншартрен все еще интересуется ходом переговоров и вероятностью антивоенных «волнений» в Лиссабоне³¹. Наконец, 21 июня консул в Кадисе сообщает, что, «по слухам», переговоры о мире были сорваны, поскольку пакет от короля Португалии к испанскому двору был доверен «одному провансальцу по имени Аллер, который отправился с ними в лагерь англичан»³². Однако и после этого,

³⁰ Лорд Портмор — лорду Дартмуту, 25 июля (н.с.) 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 258–259.

³¹ Переписка графа де Поншартрена с французскими консулами в Испании, 1711 г. AN. Marine. B⁷ 87. F. 175–176, 260, 297, 311–312, 314, 341, 365, 396, 415, 481–482, 489.

³² Консул в Кадисе — графу Поншартрену, 21 июня 1711 г. AN. Affaires étrangères. BI 218. P. 162.

и в июле, и в августе в переписке фигурируют именно «продолжающиеся» переговоры, как этого и опасались англичане³³.

К этому времени прошло уже больше трех месяцев с того момента, как Халлер переметнулся к британцам, однако он пока так еще ничего и не получил за свое предательство. Португальцы, конечно, хотели бы свести с ним счеты, и все это время он скрывается от их гнева в доме британского посла Делаваля. Авантюрист просит переправить его в Англию, и действительно, для посла он все больше становится обузой, настоящим «бельмом на глазу (*eyesore*)»: португальские аристократы отказываются посещать Делаваля, пока предатель находится в его резиденции³⁴. К концу июня авантюриста решено при первой возможности отправить в Лондон³⁵, а в конце июля Делаваль сообщает о предстоящем отбытии Халлера³⁶ — и как раз вовремя: в начале августа посол короля Жуана V в Лондоне официально потребовал удаления француза из Португалии³⁷.

Из Лондона в Гаагу

Согласно справке из бумаг французского Совета морского флота, после прибытия Халлера в Лондон «королева Анна дала ему 500 фунтов стерлингов, но он тем не удовольствовался и вел себя подозрительно, тогда ему был дан приказ покинуть Англию». Эту же сумму, 500 фунтов, упоминает и сам Халлер в различных версиях своей биографии. Другие детали, однако, разнятся. В меморандуме французскому правительству он пишет, что для него, как убежденного католика, карьера в Англии была закрыта («*la religion catholique dont il fait profession etoit un obstacle à son avancement en Angleterre*») — именно потому и решено было отправить его с «сильными» рекомендациями к императору в Вену³⁸. Здесь, как мы видим, подразумевается, что английское правительство было настроено к Халлеру благожелательно; что только конфессиональная принадлежность

³³ Переписка графа де Поншартрена с французскими консулами в Испании, 1711 г. AN. Marine. В⁷ 87. F. 538, 660, 697–698.

³⁴ Джордж Делаваль — лорду Дартмуту, 12 и 16 мая (н.с.) 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 142–143, 185–186.

³⁵ Джордж Делаваль — лорду Дартмуту, 27 июня (н.с.) 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 234–235.

³⁶ Джордж Делаваль — лорду Дартмуту, 25 июля (н.с.) 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 266–267.

³⁷ Луиш да Кунья — лорду Дартмуту, 10 августа 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 284.

³⁸ AMAE. Correspondance politique. Russie. Supplement 2. F. 274bis.

помешала ему остаться на английской службе; и что на службу к императору он поступил с благословения и при поддержке Сент-Джеймского двора.

В объяснительной, представленной Сент-Илером Петру, присутствуют те же сюжетные элементы, но складываются они в совсем иную историю. Поначалу авантюрист, по его словам, был в Лондоне «принят zelo милостиво». Здесь также фигурируют 500 фунтов, но из разовой выплаты они превращаются в ежегодную пенсию, которую Халлеру якобы обещала королева Анна, наряду со «знатным чином», если только он перейдет в «веру калвинскую». Дальше, однако, «начались при оном дворе французские интриги». Из-за этих интриг «выслуга» Халлера была «уничтожена», он получил одновременно 1000 фунтов и предписание выехать в Голландию и не возвращаться более в Англию³⁹.

Действительно, сделать карьеру на английской службе авантюристу не удалось, и его пребывание на Британских островах окончилось высылкой на континент. Однако что именно пошло не так, не вполне ясно. На британской почве, а точнее, в Фалмуте, ближайшем к Португалии порту, он оказывается не позднее 12 августа. Направляясь в Англию, француз запаса рекомендательными письмами, в том числе от лорда Портмора к лорду Дартмуту; от британского торгового агента Ланселота Степни к Эразмусу Льюису; от британского посла Делавая, в котором он представлен, между прочим, как «знаменитый господин Халлер» и «славный толковый малый (*good clever fellow*)». Во всех этих письмах открытие им португальского заговора описывается как несомненный факт⁴⁰. Однако неприятности у него начались уже по дороге из Португалии. Халлера, по его собственным словам, обижают попутчики: офицеры пакетбота и плывший с ними Томас Леффевр относились к нему с презрением, как к человеку, предавшему своего короля. В этой связи он употребляет для описания своего положения фразу, которая будет затем раз за разом встречаться в его письмах — «самый несчастный человек в свете (*l'homme du monde le plus malheureux*)»⁴¹.

Нет и никаких свидетельств того, что ему действительно обещали пенсию, а тем более «знатный чин» на английской службе. Наоборот, уже 17 августа, буквально через несколько дней после прибытия, он сам

³⁹ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 59 об.

⁴⁰ NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 248, 252, 264–265.

⁴¹ Жозеф Халлер — Джорджу Делавалю, 12 августа 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 308–308 v.

обращается к королеве Анне с официальным прошением (документ 4)⁴². Речь, однако, идет не о награде за оказанные им Великобританию услуги (хотя и о них он тоже не забывает упомянуть), но о компенсации за имущество и активы во Франции и Испании, которые авантюрист якобы потерял, перейдя на сторону англичан. Сам переход этот представляется уже не как вынужденный шаг, но как служба «общему делу», и Халлер надеется и дальше (прозрачно намекает он Анне) продолжать эту «службу», прилагая свои усилия «в интересах Вашего королевства». Это единственное, как кажется, упоминание в документах о «службе» Халлера британской короне: судя по всему, именно оно впоследствии трансформируется в письмах авантюриста в рассказы об обещанном ему «знатном чине».

Список потерянного имущества, приложенный Халлером к своему прошению, действительно впечатляет — вероятно, он должен был дать королеве и ее министрам представление о желаемых масштабах вознаграждения и одновременно повысить статус автора в их глазах. С одной стороны, Халлер перечисляет свои долги, достигающие якобы 111 220 ливров. Упоминаются четыре крупных заимодавца в Париже (братья Галуа, месье Энок, месье Клод Жакен, вдова Кован), двое в Амьене, и т.д., и наконец «многочисленные лица в Бильбао», «многочисленные лица в Байонне» и «по всей Франции». Еще более впечатляющ список утерянного имущества общей стоимостью 254 тыс. ливров. Здесь и унаследованные от родителей дом и земля в Тулоне, стоимостью в 36 тыс. ливров; и сельский дом в Байонне с мебелью, общей стоимостью 22 тыс. ливров; и 800 квинталов сахара в Галисии, общей стоимостью 40 тыс. ливров; корабль с грузом стоимостью в 60 тыс. ливров; другие товары и векселя; и, наконец, его гардероб стоимостью 6 тыс. ливров, изъятый в Лиссабоне португальским государственным секретарем д Мендонсой Корт-Реалем⁴³.

На этом этапе Халлер все еще пользуется некоторой поддержкой в британских правительственных кругах. Хотя в начале лета посол Джордж Делаваль и описывал его как «бельмо на глазу», в августе он же с сочувствием относится к его жалобе на поведение офицеров пакетбота и рекомендует его вниманию правительства. Примечательно, что Халлер представлен не только как человек, «которого Ее величество соизволила взять под свою высокую протекцию», и потому заслуживающий вежливо обращения, но и как нечто вроде эксперта по Испании — «он складно

⁴² Жозеф Халлер — королеве Анне, 17 августа 1711 г. NA. State Papers. Domestic. Anne. SP 34/30. F. 74.

⁴³ Там же. F. 75–75 v.

толкует о некоторых предметах, и в особенности о делах Испании, где он некоторое время обращался (*he talks well of several things, and in particular of the affairs of Spain, where he has been conversant sometime*)»⁴⁴. Как мы увидим, в дальнейшем авантюрист будет последовательно культивировать этот образ. Месяц спустя Делаваль признает запросы Халлера завышенными, но готов положиться в этом вопросе на мнение Портмора, который, по-хоже, все еще поддерживает Халлера⁴⁵.

В конце сентября 1711 г., наконец, принято решение о награде Халлеру и о его дальнейшей судьбе — но не совсем то, на какое надеялся француз. 26 числа лорд Дартмут доносил королеве Анне, что правительство рассмотрело запросы Халлера и что лорды заинтересовались, успели ли тот уже «натурализоваться в соответствии с актом парламента»⁴⁶. По всей видимости, речь идет об «Акте о натурализации иностранных протестантов» от 23 марта 1709 г., который был призван урегулировать правовой статус тысяч скрывавшихся в Англии эмигрантов, в том числе бежавших сюда после отмены Нантского эдикта французских гугенотов. В соответствии с этим законом им достаточно было лишь принести присягу на верность королеве и причаститься в любой протестантской церкви, чтобы стать британскими подданными. Как оказалось, Халлер не успел — или не догадался — проделать эту процедуру, а раз так, лорды единогласно решили, что «представляется разумным выслать его». В дальнейшем тема религии будет постоянно всплывать в описаниях французом своего вынужденного отъезда из Англии: он будет утверждать, что не остался на службе королевы Анны якобы из-за своего отказа порвать с католической верой — вероятно, в основе этих рассказов лежит как раз данный эпизод. Размер установленного Халлеру вознаграждения составлял 200 фунтов — не такая уж и маленькая сумма по стандартам того времени, но, конечно, несопоставимая с его ожиданиями. Более того, на руки немедленно он получал лишь 50 фунтов, а остальные 150 — когда покинет пределы Англии. Очевидно, что француз этим не удовлетворен. В своем письме лорду Дартмуту (документ 5)⁴⁷ он пытается выторговать

⁴⁴ Джордж Делаваль — Эразмусу Льюису, 27 августа 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 306.

⁴⁵ Джордж Делаваль — Эразмусу Льюису, 26 октября (н.с.) 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 354.

⁴⁶ The manuscripts of the Earl of Dartmouth. Vol. 1. London: HMSO, 1887. P. 307. Запись о выплате этого вознаграждения см.: Calendar of Treasury Books. 1712. Vol. 26 / W.A. Shaw (ed.). London: His Majesty's Stationery Office, 1954. P. cclii.

⁴⁷ Джозеф Халлер — лорду Дартмуту, 28 сентября 1711 г. NA. State Papers. Domestic. Anne. SP 34/30. F. 94–95.

чуть более благоприятные условия: просит увеличить предназначенную ему сумму, учитывая сделанные им долги (40 фунтов) и якобы потерянное им в Португалии имущество. Он также намекает на тот риск, на который он пошел ради Англии, и просит, чтобы его выслали не на континент, а в Ирландию, где «моя персона может быть в большей безопасности, чем в ином месте».

Примечательно, что именно в этот момент история Халлера становится известной британской публике. Абель Буайе, предприимчивый лексикограф, издатель и публицист французского происхождения, подробно излагает ее в октябрьском номере своего журнала «The Political State of Great Britain»⁴⁸. Бросается в глаза, что рассказ Буайе довольно точно воспроизводит «Дневник моих переговоров» Халлера, повторяя даже мельчайшие детали приключений француза. Более того, Буайе прямо ссылается на «подлинный рассказ» о секретных франко-португальских переговорах, который он «недавно раздобыл», и даже упоминает Халлера по имени. Буайе был вхож в политические круги: именно это позволяло журналу, впервые в британской практике, достаточно регулярно излагать содержание парламентских дебатов, о которых издатель узнавал от дружественных депутатов. Учитывая политические связи Буайе, нет ничего удивительного в том, что он получил доступ и к составленному французом документу. Предложенная публике версия событий не оставляла сомнений, что переговоры действительно имели место и что Халлер их действительно сорвал: как сообщалось, Портмор получил от португальцев ответ, что переговоры были начаты «лишь для того чтобы обеспечить всеобщий мир» (т.е. сам факт переговоров как будто не отрицался). В текущем политическом контексте эта история приобретала особую злободневность, поскольку как раз в это время выяснилось, что Великобритания сама с осени 1710 г. вела предварительные переговоры с Францией за спиной своих союзников. Португальский же эпизод показывал, во-первых, что союзники тоже начали подобные переговоры, а потому моральных обязательств перед ними у Лондона нет; а во-вторых, что продолжать войну с такими ненадежными союзниками не слишком разумно.

Кто, однако, мог предоставить Буайе этот документ? Конечно, источником мог быть и сам лорд Портмор, изображенный здесь в весьма выгодном свете и даже с сочувствием; была эта утечка на руку и британскому кабинету. Более вероятно, однако, что издатель получил документ

⁴⁸ The Political State of Great Britain. 1711. Vol. II. October. P. 311–316.

от самого авантюриста, своего соотечественника. Буайе специально уделяет несколько строк оправданию действий француза, которого вынудила перейти на сторону англичан «зависть» со стороны маркиза де Бэ, а также «ужас и сожаление по поводу притворного сражения, которое должно было состояться, чтобы скрыть этот тайный договор, и в котором [английские] войска в Португалии должны были быть принесены в жертву». Заметим, что в самом «Дневнике» о планах португальцев устроить такое сражение ничего не говорится, не находим мы подобных сообщений и в британской правительственной переписке. Возможно, это фраза — отзвук рассуждений британских генералов и дипломатов о «притворной кампании», которую якобы португальские войска вели в июне 1711 г. Так или иначе, рассказать обо всем этом издателю должен был его анонимный источник. Опять-таки, это, конечно, могли быть сам Портмор или кто-то из его сотрудников. Но примечательно, что тут же Буайе находит нужным подчеркнуть, что Халлер бедствует (поскольку принужден был бросить все свое имущество во Франции и Испании) и что он «ожидал и, действительно, заслуживал награды за свои услуги». Эта фраза — пожалуй, самое прямое указание на то, что источником Буайе был именно Халлер. Впрочем, хотя в тексте Буайе и говорится, что Халлер заслуживает награды, сама статья эта вышла уже *после* того, как было принято решение о выплате французу 200 фунтов. Значит ли это, что Халлер организовал эту публикацию (если на самом деле за ней стоит именно он) еще *до* принятия этого решения? Или же, наоборот, он обратился в прессу *после* того, как узнал, что получит всего 200 фунтов, пытаясь таким способом добиться для себя более благоприятных условий? Как отреагировали на эту публикацию британские министры? Ответов на эти вопросы у нас пока нет.

Так или иначе, какого-то прямого влияния на судьбу Халлера этот эпизод не оказал: выплата ему не была увеличена, и ему действительно пришлось покинуть пределы британского королевства. Узнаем мы об этом из писем, которые он пишет в первые месяцы 1712 г. из Гааги и Амстердама лорду Страффорду, британскому послу в Соединенных Провинциях (документы 6–12), и из донесений самого Страффорда лорду Оксфорду, лорду-канцлеру казначейства, фактическому главе правительства⁴⁹. В Нидерландах в это время уже шли дипломатические переговоры, которые вскоре выльются в заключение Утрехтского мирного договора. Новый британский кабинет взял курс на примирение с Францией, тогда как

⁴⁹ BL. Additional MSS. 22223 (Miscellaneous foreign correspondence to the Earl of Strafford). F. 56–78.

император был настроен продолжать войну. Во всяком случае, известия о том, что Лондон уже почти год ведет с Парижем секретные переговоры за спиной своих союзников, заставляют и императора, и Нидерланды быть крайне настороженными. В самом начале 1712 г. будет смещен с поста командующего герцог Мальборо — для союзников это несомненный признак стремления Лондона заключить мир без учета их интересов. Уже в декабре 1711 г. Страффорду становится известно, что император направляет в Англию принца Евгения Савойского: прославленный полководец и соратник Мальборо должен был убедить королеву Анну и ее министров выполнить свои союзнические обязательства. Кабинет Оксфорда и представляющий его интересы Страффорд опасаются, конечно, что союзники «плетут заговоры» против них и что принц Евгений попытается мобилизовать против них парламентскую оппозицию и как-то опереться на сторонников Мальборо. Поэтому Страффорд откровенно стремится предотвратить приезд принца Евгения в Англию⁵⁰.

Халлер со всей очевидностью пытается встроиться в эти интриги. Он упоминает, что паспорт, по которому он выехал из Англии, был датирован 18 октября 1711 г. Ко 2 января (1712 г., видимо, по новому стилю) — этим числом помечено его первое письмо Страффорду — француз уже состоит в знакомстве с целым рядом политиков и дипломатов в Гааге, во всяком случае рассказывает о контактах с ними. Среди них особый интерес для посла представляют принц Евгений и граф Галлас, бывший императорский посол в Лондоне, вынужденный покинуть Англию из-за откровенной враждебности к нему королевы; а также императорский дипломат барон Хеемс (Baron Heems) и депутат нидерландских Генеральных Штатов Латмар (Latmar). Судя по его письмам, Халлер приходит к ним с визитами, ведет разговоры — довольно общие, — а потом пересказывает эти беседы в письмах Страффорду. Уже в самом первом письме француз упоминает «указания, которые вам было угодно мне дать». Вообще, он всячески стремится позиционировать себя как агента на службе у Страффорда — пишет чуть ли не каждый день, особенно поначалу, а то и по нескольку раз на дню; указывает время написания письма, чтобы подчеркнуть, что бросился писать донесение сразу же после проведения беседы; информирует посла о своих перемещениях.

Как сообщал Страффорд Оксфорду, Халлер уверял его, что перед своим отъездом в Англию герцог Мальборо вызвал его в свой кабинет

⁵⁰ Лорд Страффорд — лорду Оксфорду. Декабрь 1711 г. Report on the manuscripts of His Grace the Duke of Portland preserved at Welbeck Abbey. Vol. 9. London: H.M.S.O, 1907. P. 307–309.

и имел с ним продолжительную беседу. Полководец якобы удивлялся, что француз согласился так безропотно уехать из Англии; что министры не имели полномочий его выслать; и что если он вернется в Лондон, то «найдет друзей в парламенте, готовых его поддержать и помочь ему поквитаться с теми, кто так дурно с ним обошелся». Это сообщение, конечно, вызвало у посла интерес, поскольку речь шла не только о внешнеполитических конъюнктурах, но и о внутривнутриполитических интригах в самой Англии. Если верить сообщению Халлера, Мальборо собирался использовать его как инструмент политического давления на правительство. Конечно, обнародование истории несправедливого обращения с французом едва ли вызвало бы падение кабинета, однако как одна из третьестепенных линий атаки на Оксфорда она вполне годилась.

Соответственно, Страффорд вызвал Халлера из Амстердама, чтобы поговорить с ним о пенсии, «которую Ваша милость [лорд Оксфорд], как кажется, были готовы ему устроить» — но сказал, что француз должен заслужить ее, поставив информацию, поскольку «он так хорошо знает господина Хеемса, графа Галласа, и других <...> и поскольку принц Евгений пригласил его отправиться в Англию вместе с ним». На этот момент Халлер претендует лишь на 100 фунтов в год, но и такая сумма Страффорду кажется чрезмерной. Примечательно, что в этом письме посол именуется французом *Haillart*, а в следующем — *Hallere*. Подобное вольное обращение с написанием имен, характерное для того времени, должно было сильно облегчать задачу авантюристов: в условиях такой вариативности корректировать свое имя (и идентичность) было гораздо проще. Кроме того, в письме упоминается возможность предоставления французам пенсии под другим именем: опять-таки, возможность смены идентичности описывается как совершенно рутинная практика — для этого авантюристу достаточно лишь *назваться* иначе⁵¹.

Самое любопытное донесение, пожалуй, содержится в письме от 5 января (документ 9), где Халлер рассказывает о беседе, которой его удостоил не называемый по имени «Его Высочество» — со всей очевидностью, принц Евгений. Как оказалось, «Его Высочество» спросил Халлера о настроениях народа в Испании и о настроениях среди португальского дворянства. Халлер пишет, что поспешил, по мере своих познаний, дать собеседнику пояснения на этот счет. Следовательно, его похождения за Пиренеями не составляли ни для «Его высочества», ни для посла секрета:

⁵¹ Лорд Страффорд — лорду Оксфорду. 25 декабря 1711/5 января 1712 г. Report on the manuscripts of His Grace the Duke of Portland... Vol. 9. P. 317.

наоборот, он опирается на них в своей самопрезентации. Предшествующий эпизод его жизненной траектории становится основой для претензий авантюриста на некоторую экспертизу — ровно этот же прием мы раз за разом будем встречать и в дальнейшем. Затем «Его высочество» переводит разговор на настроения в Англии. Халлер якобы отвечает, что «народ в Англии может быть очень взбудоражен» приездом нового лица, такого как сам принц: авантюрист советует полководцу прибыть инкогнито, в сопровождении одного лишь слуги⁵².

Параллельно с этим буквально в каждом своем письме Халлер осаждает Страффорда просьбами о помощи в получении дополнительной — якобы обещанной ему — награды в Англии. Уже в самом первом письме речь идет о «небольшой пенсии в Ирландии», где он мог бы осесть, заняться «скромной торговлей (*petty commerce*)» и привести в порядок свои дела — а также, что примечательно, спокойно практиковать свое вероисповедание (т.е., надо думать, католицизм). Упоминается и отправка некоего груза вина из Испании в Лондон. В письме секретарю Страффорда от 3 января Халлер намекает на поступившее ему от принца Евгения предложение вернуться в Англию в его свите. Халлер при этом прямо жалуется на «несправедливость, которую мне сделали милорд Дартмут и милорд казначей», т.е. Оксфорд. Речь идет даже о том, чтобы выступить в парламенте с осуждением этой несправедливости.

К 8 января (по новому стилю) Страффорд уже разочарован Халлером. В донесениях Оксфорду посол постоянно вставляет фразы «как он говорит», «по его словам», подчеркивая, что информация исходит от самого француза и потому должна восприниматься с долей скепсиса. Недоверие его связано с представленной Халлером позицией принца Евгения и Хеемса: дипломату кажется «странным», что принц Евгений, лично пообещав ему не вмешиваться в политические интриги в Англии, все же собирается взять Халлера с собой в Лондон и, по его словам, даже подталкивает его выступить в парламенте! Сомнения вызывают и уничижительные выражения в отношении Оксфорда, которые принц Евгений и Хеемс якобы вкладывают в уста Мальборо, тем самым компрометируя его. «Невозможно узнать, говорит он правду или нет», прямо пишет Страффорд Оксфорду, и потому посол устроил за французом слезку («*I had him dogged*»). Но увы, это мало помогло: оказалось, что Халлер действительно бывал в домах принца Евгения и Хеемса! Возможно, он все же говорит правду? В итоге посол заявляет, что поскольку «мне этот

⁵² BL. Additional MSS. 22223 (Miscellaneous foreign correspondence to the Earl of Strafford). F. 62–62 v.

человек [Халлер] совершенно незнаком (*complete stranger to me*)», он будет полагаться на суждение о нем Оксфорда⁵³.

Халлер особенно активно пишет Страффорду в первой половине января, но дальше переписка сходит на нет: следующее письмо после 20 января датировано уже 28 февраля, еще одно приходит 6 марта 1712 г. из Гааги. Эти последние письма носят самый общий характер, Халлер пытается напоминать о себе, но и такая переписка прерывается — а уже 12 марта лорд Дартмут подписывает ордер на арест нашего авантюриста. Халлер теперь именуется ни много ни мало «французским папистом, враждебным иностранцем и шпионом (*a French papist, an alien enemy and a spy*)»: его следовало задержать и вместе со всеми имеющимися у него бумагами представить лично самому министру⁵⁴. Понять, что же конкретно вменялось Халлеру в вину, ни из этого ордера, ни из письма, которое он уже 21 марта направляет лорду Дартмуту из тюрьмы, решительно невозможно. Среди прочего Халлер просит разрешения допустить к нему неких «друзей» и деловых партнеров, упоминает принадлежащие ему товары, якобы находящиеся на только что прибывших из Голландии кораблях⁵⁵. Еще недавно готовый покровительствовать французу, лорд Страффорд к этому времени от него уже полностью отрешивается: узнав об аресте Сент-Илера, он пишет, что «рад его задержанию, поскольку этот молодец мне никоим образом не симпатичен, о чем он догадался перед моим отъездом из Гааги, и это привело его в ужас». Вероятно, Страффорд опасается, что, узнав об изменившемся отношении к нему со стороны посла, Сент-Илер мог переменить к неприятелю⁵⁶. Это первая в биографии авантюриста попытка «переиграть» заново предыдущий этап своей карьеры, выжать что-то еще из уже «отработанной» им страны: как видим, она завершается полным провалом.

К этому времени история Халлера не должна была составлять секрета для тех, кто интересовался европейской политикой. Обнародовав ее в октябре 1711 г., Буайе затем практически дословно повторил ее в вышедшем на следующий год очередном томе своей «Истории царствования королевы Анны», своеобразного дайджеста текущих политических

⁵³ Лорд Страффорд — лорду Оксфорду. 29 декабря 1711/8 января 1712 г. Report on the manuscripts of His Grace the Duke of Portland... Vol. 9. P. 319.

⁵⁴ NA. State Papers. Domestic. Secretaries of State: Entry Books. 44/79. F. 25.

⁵⁵ Жозеф Халлер — лорду Дартмуту, 22 и 31 марта 1712 г. NA. State Papers. Domestic. Anne. 34/18. F. 50–51, 61.

⁵⁶ Лорд Страффорд — лорду Оксфорду, 1/12 апреля 1712 г. Report on the manuscripts of His Grace the Duke of Portland... Vol. 9. P. 327.

событий⁵⁷. Приключения Халлера на Пиренейском полуострове подробнейшим образом и на основании все того же «Дневника» излагаются и в вышедшей в том же году анонимной «Истории Утрехтского мирного договора». Здесь автор уже ссылается на изложение этого документа «писателем, который раздобыл рассказ о тайных переговорах между Францией и Португалией и обнародовал его» (т.е. Буайе) и даже вступает с ним в полемику. Если «этот писатель» (Буайе) «всячески заверяет нас в правдивости» данной истории, то анонимный автор данного памфлета сомневается, «особенно в том, что касается намерения принести в жертву британские войска и обещанных Португалии огромных уступок». Он считает возможным, что переговоры и в самом деле начинались, но скептически относится к предполагаемой роли в них Халлера: «Раскрыл ли их господин Халлер, чтобы свести счеты с маркизом де Бэ, или же, поняв, что они ни к чему не ведут, решил извлечь для себя выгоду из этого открытия при нашем дворе, я предоставляю читателям решать самим»⁵⁸.

Наконец, имя Халлера упоминается и в издававшемся в Гааге франкоязычном журнале «*Mercure historique et politique*», в апрельском выпуске за 1712 г.⁵⁹ Эта последняя публикация, возможно, проливает некоторый свет на обстоятельства ареста авантюриста в Англии. Как пишет журнал, Халлера «заставили надеяться на награду; но после трех месяцев ожидания нетерпение взяло верх, и он написал лорду-канцлеру казначейства в слишком сильных выражениях»; после этого ему выдали 200 фунтов и выслали в Голландию с запретом возвращаться в Англию. Об осеннем письме, содержавшем якобы какие-то особенно «сильные» выражения, нам пока неизвестно, однако в октябре 1715 г. в письме Петру I авантюрист подтверждает эту историю: он якобы написал Оксфорду с просьбой поскорее выдать ему обещанное королевой вознаграждение, но лорд-казначей объявил письмо «угрожающим», поскольку искал предлога избавиться от Халлера в угоду французским агентам⁶⁰. Подтверждаются другими источниками и прочие излагаемые в «*Mercure*» детали: и размер полученной французом выплаты, и связанное с ней

⁵⁷ Boyer A. The history of the reign of Queen Anne, digested into annals. Year the tenth. London, 1712. P. 92–97.

⁵⁸ The history of the Treaty of Utrecht: In which is contain'd, a full account of all the steps taken by France, to bring the allies to a treaty during the war, and by that means to divide them. London: Printed and sold by the Booksellers of London and Westminster, 1712. P. 190–194.

⁵⁹ *Mercure historique et politique contenant l'état présent de l'Europe*. Avril 1712. P. 447.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1715. Д. 3. Л. 1 об.

обязательство покинуть остров. Дальше, однако, в журнале сообщается, что «через несколько месяцев он вернулся, с новыми надеждами на лучшее вознаграждение», после чего его и решено было задержать. Таким образом, если верить публикации, арест Халлера был связан с нарушением им запрета на возвращение в Великобританию: версия эта хорошо согласуется с содержанием его переписки со Страффордом. Возможно, француз поверил, что кто-то из его новых контактов сможет защитить его от неприятностей, или же он слишком вольно интерпретировал брошенную кем-то из них фразу.

Здесь, однако, уместно задать вопрос: как же именно французам удавалось входить в доверие ко всем этим министрам, генералам и дипломатам, почему они вообще соглашались вести разговоры и переписку с человеком без роду без племени? Для понимания этого эпизода, а также походов Халлера в целом, важно, что он был вовсе не единственным авантюристом, вовлеченным в орбиту международной политики того времени: скорее наоборот, он был едва ли не типичным и, возможно, даже не самым ярким из них. Например, обзор британской политики времен Войны за испанское наследство на американском театре показывает, что замыслами и действиями отдельных прожектеров определялись едва ли не все инициативы королевского правительства в этой части света, включая экспедицию в Канаду в 1709 г., нападение на Порт-Рояль в 1710 г., операцию в Ньюфаундленде в 1710 и в Квебеке в 1711 гг., планы по заселению Багам в 1709 г. Мишель де Бери Монсежур, подобно Халлеру начавший свою карьеру в Байонне, предлагал англичанам в 1706 г. организовать морское вторжение во Францию, а затем переключился на планы захвата Ньюфаундленда. Его схема не была реализована не потому, что ее признали абсурдной, а потому, что созданный для ее воплощения целый полк из французских эмигрантов был в итоге направлен на испанский театр военных действий. В этом же ряду стоят и Сэмюэль Ветч, с его проектом завоевания французской Канады (ранее осужденный за нелегальные торговые сношения с неприятелем в Порт-Рояле, о чем он предпочел не сообщать своим покровителям); Томас Экинс, предлагавший поручить ему морскую экспедицию в испанские владения в Америке (требуется лишь несколько тысяч солдат и три-четыре военных корабля); Ричард Дженнингс, с его схемами захвата следовавшего из Гаваны испанского конвоя с серебром; и многие другие⁶¹. Переписку и обсуждения с этими прожектерами вели все те же самые британские министры, к которым обращался Халлер.

⁶¹ Alsop J.D. *The Age of the Projectors...* P. 30–53.

Самым заметным и ярким среди обретавшихся в Лондоне во время Войны за испанское наследство авантюристов был, впрочем, аристократ и либертин Антуан де Гискар, аббат де ла Бурли и самоназванный маркиз. На всем протяжении 1700-х годов он был так или иначе вовлечен в попытки поддержать или раздуть восстание камизаров на юге Франции. В 1704 г. он женился даже на младшей сестре самого Евгения Савойского, тоже прославившейся своими экстравагантными похождениями: правда, она умерла уже на следующий год, но этот брак ввел де Гискара в ближний круг и принца Евгения, и герцога Мальборо. В последующие годы авантюрист разрабатывает планы вторжения во Францию, назначается главой сформированного для этого эмигрантского полка (многие офицеры подали после этого в отставку в знак протеста), в качестве эксперта по французским делам теснейшим образом общается с ведущими британскими министрами. Когда к концу 1700-х планы вторжения сходят на нет, он, подобно Халлеру, получает разовую выплату в те же самые 200 фунтов: это, пожалуй, говорит о том, что Халлера оценили довольно высоко. Как и Халлер, де Гискар пытался добиться постоянной пенсии в 500 фунтов, но в его случае попытки эти закончились драматически. В начале 1711 г. он старался добиться аудиенции у самой королевы Анны — и именно в это время в руки правительства попали его письма, в которых французам выдавались очередные планы британского десанта во Францию. Де Гискара немедленно арестовали и доставили (8 марта 1711 г.) для допроса прямо на заседание Тайного совета: будучи избит, француз выхватил перочинный нож и нанес им несколько ударов самому лорду Оксфорду. Пока вызывали охрану, другие члены Тайного совета сами набросились на него со шпагами; вскоре авантюрист умер от полученных ран⁶². Учитывая эти события, нетрудно предположить, что Оксфорд мог отреагировать особенно болезненно, если ему действительно поступило письмо от Халлера, написанное в чересчур «сильных» выражениях.

Так или иначе, в начале мая Халлер все еще под арестом, настаивает на своей невиновности, требует разрешения своего дела и ссылается на «честных людей и известных торговцев», которые будут рады выступить его поручителями⁶³. Самая, пожалуй, примечательная деталь этой

⁶² Jones P. Antoine De Guiscard, "Abbé De La Bourlie", "Marquis De Guiscard" // The British Library Journal. 1982. Vol. 8. No. 1. P. 94–113. Более того, хотя британским министрам это и не было известно, как раз в это время маркиз де Торси записал в своем дневнике о поступившем от Гискара предложении искупить вину перед родиной, нанеся Великобритании некий тяжкий удар.

⁶³ Жозеф Халлер — господину Луи (Эразмусу Льюису?), 8 мая 1712 г. NA. State Papers. Domestic. Anne. 34/33. F. 133–133 v.

переписки — упоминание о религии. Как мы помним, впоследствии в объяснениях, адресованных и французским властям, и Петру I, авантюрист будет ссылаться на свою приверженность католицизму как на основную причину, помешавшую ему сделать карьеру на английской службе. Именно по этой же причине осенью 1711 — зимой 1712 гг. он просил дать ему возможность проживать в Ирландии. Однако в письме к лорду Дартмуту в марте 1712 г. он пишет, что «отрекся от той [веры], что наполнена только пороками идолопоклонства, суеверий и кощунства», т.е., видимо, как раз от католицизма. Наоборот, одна лишь новообретенная истинная вера (соответственно, протестантская) утешает француза в его нынешних невзгодах (документ 14)⁶⁴. В одном из этих писем, к лорду Оксфорду, появляется и уже знакомая нам деталь пиренейских походов — сообщение о притворной битве, которую задумывали португальцы, чтобы замести следы мирных переговоров, и в которой британские войска должны были быть принесены в жертву (документ 15)⁶⁵. В практическом смысле он вновь и вновь просит разрешить ему покинуть Англию, а также возместить ущерб, понесенный им в связи с арестом. Его просьбы были удовлетворены, во всяком случае, в части, касающейся отъезда из британских владений. 12 мая все тот же лорд Дартмут распорядился доставить Халлера под стражей в порт Харидж и передать там под расписку капитану держурного пакетбота⁶⁶. 20 мая 1712 г. Джон Дэвидсон, командир пакетбота «Eagle», действуя на основании этого приказа, высадил Халлера на побережье Голландии в местечке Хеллевуотслеис (Hellevoetsluis), в полусотне километров к югу от Гааги⁶⁷.

От Гааги до Неаполя

Оказавшись опять на континенте, Халлер не оставляет попыток как-то использовать свои английские связи: он как ни в чем ни бывало пишет еще одно письмо Страффорду из Роттердама, излагая ему свои претензии к Оксфорду, в том числе и требования возместить якобы понесенный в связи с арестом ущерб⁶⁸. Но следующий этап приключений Халлера

⁶⁴ Жозеф Халлер — лорду Дартмуту, 21 марта 1712 г. NA. State Papers. Domestic. Anne. 34/18. F. 44.

⁶⁵ Жозеф Халлер — лорду Оксфорду, 29 марта 1712 г. NA. State Papers. Domestic. Anne. 34/33. F. 135–136.

⁶⁶ NA. State Papers. Domestic. Secretaries of State: Entry Books. 44/79. F. 29.

⁶⁷ NA. State Papers. Domestic. Anne. 34/18. F. 126.

⁶⁸ Жозеф Халлер — лорду Страффорду, 28 июня 1712 г. BL. Additional MSS. 22223 (Miscellaneous foreign correspondence to the Earl of Strafford). F. 78–78 v.

разворачивается уже в пределах Священной Римской империи. Согласно справке из бумаг Совета морского флота, «он отправился в Вену, дабы пожаловаться императору [Карлу VI] на такое скудное вознаграждение и разъяснить ему, какую великую услугу он оказал его величеству, прервав переговоры о мире, и тот пожаловал ему баронское достоинство и пост военно-морского интенданта (*l'intendance de la marine*) в Неаполе». В 1719 г. в меморандуме французскому правительству сам авантюрист пишет лишь, что «император пожаловал ему 5000 флоринов и пост морского интенданта в Неаполе». Наконец, в письме Петру этот эпизод изложен наиболее подробно: «Прибыв в Гагу имел честь видеть милорда Малборука которой зело удивился такому худому за мои службы воздаянию и обещал мне, когда состояние аглинского двора изменитца, всякое тогда учинить вспоможение и рекомендовал меня принцу Евгению, по которой рекомендации принят я был в службу цесарскую»⁶⁹.

Надо сказать, что упоминаний об этих контактах в реестре входящей корреспонденции принца Евгения в венском «Haus, Hof- und Staatsarchive» обнаружить не удалось, как и документов, подтверждающих дарование Халлеру дворянства⁷⁰. Сомнительно и сообщение о полученной им перед отправлением в Вену рекомендации от герцога Мальборо к принцу Евгению: как уже говорилось, в январе 1712 г. Халлер уверял, что сам лично общается с принцем Евгением — зачем же тогда ему рекомендация от Мальборо? Косвенно это подтверждается и сообщением британского поверенного в делах Саймона Клемента, который доносил в начале сентября из Вены, что «несколько недель тому назад здесь появился некто господин Сент-Илер, англо-французский изгнанник». Именно в этом документе наш герой впервые фигурирует под этой фамилией, которой мы и будем его дальше именовать. Как мы видим, в Вене он появляется уже как Сент-Илер, таким образом, и новое имя, и дворянское достоинство он присваивает себе где-то по дороге, еще до появления при дворе императора. Согласно сообщению Клемента, Сент-Илер представлялся также подполковником английской службы; прибыл он «с изрядным убранством (*handsome Equipage*)» и «часто появлялся при дворе и у министров». Здесь же мы впервые читаем о «проекте» Сент-Илера, который якобы позволит императору вывести в море 20 военных кораблей («*he pretends to a project to enable Ye Emp.r to set out twenty ships of war*»). К этому времени Клемент уже

⁶⁹ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 59 об.

⁷⁰ Электронное письмо к автору от доктора Эрнста Петрича (OeStA/HHStA) от 20 апреля 2015 г.

узнал о нем достаточно, чтобы описывать авантюриста весьма скептически, и даже пренебрежительно. Сент-Илер, де, и «недостойн более внимания» английских министров; и аудиенции у императора у него, скорее всего, не было, а были лишь встречи с «одним-двумя министрами»; и в венском обществе он уже скомпрометирован, поскольку «некоторые родственники графа Галласа» (т.е. уже упоминавшегося нами выше бывшего императорского посла в Лондоне) «знали его в Англии и дали о нем весьма неблагоприятные отзывы (*give him but a very indifferent character*)». Короче говоря, пишет Клемент, «я подозреваю, что он задержится здесь ненадолго»⁷¹.

Адресатом Клемента был не кто иной, как сам лорд Оксфорд. Донесение из Вены датировано 3 сентября по новому стилю, а уже 8 октября по старому маркиз де Торси получает запрос из Лондона касательно француза Сент-Илера, который несколько месяцев как объявился с весьма важным видом («*qui fait grosse figure*») при венском дворе и вхож ко всем министрам императора — нет ли за этим какой-то французской дипломатической игры? Означает ли этот запрос, что Оксфорд не опознал в сообщении Клемента своего давнего знакомца Халлера, и что смена имени позволила аванюристу временно замести следы? Или же для Оксфорда это было и неважно — главное, что появление француза в Вене позволяло предъявить Парижу претензии, становилось еще одной фишкой в дипломатической игре? Не менее показательно, конечно, что запрос из Лондона передан Торси через аббата Готье — аванюриста без всякого формального звания и социального статуса, игравшего во франко-британских переговорах роль такого же неофициального посредника, какую Халлер пытался играть в испано-португальских. Наконец, довольно смешно, что англичане подозревают своих, с формальной точки зрения, врагов-французов в закулисных переговорах с имперцами, своими союзниками — в то время как на самом деле это сам Лондон вел переговоры с Парижем за спиной у Вены!

Так или иначе, получив запрос из Лондона, Торси отвечает, что никаких секретных переговоров в Вене он не ведет — и вообще, «в мире полно французов-аванюристов, которые выдают себя за важных людей, и которым верят на слово»⁷². Таким образом, Сент-Илер здесь прямо причисляется к категории «аванюристов» — и говорение,

⁷¹ Саймон Клемент — лорду Оксфорду, 3 сентября (н.с.) 1712 г. NA. State Papers. Foreign. Austria. 83/13. F. 252.

⁷² Bély L. Espions et Ambassadeurs au temps de Louis XIV. Paris: Fayard, 1990. P. 56; AMAE. Correspondance politique. Anglettere. Vol. 240. F. 23, 25.

самопрезентация описывается как их отличительная черта. Примечательно, что, хотя в своем ответе в Лондон Торси и поспешил заявить, что Сент-Илер не заслуживает внимания, сам он сразу же, 22 октября 1712 г., направляет французскому представителю в Вене запрос: «Что это за француз Сент-Илер, который последнее время пользуется доступом к императорскому двору»?⁷³

И действительно, вопреки уверениям Клемента, что авантюрист скомпрометирован и не имеет доступа к императору, уже 18 ноября 1712 г. Карл VI выдал Сент-Илеру патент на звание *Capitan de Mar y Guerra* в Неаполе (документ 17)⁷⁴. Судя по всему, это была административно-хозяйственная должность — во всяком случае, такое осведомленное лицо, как французский консул в Генуе, переводит ее как «генеральный комиссар флота» («*commissaire général de la marine*»)⁷⁵. В патенте упоминается верная и ревностная служба получателя, а сам он фигурирует как «барон дон Жозеф де Сент-Илер, фламандец (*Baron Don Joseph de Saint Hillaire de nacion flamenco*)». Таким образом, еще один эпизод истории Сент-Илера, изложенной в справке Совета морского флота, подтверждается: он действительно был принят на императорскую службу. А вот сообщение о пожаловании ему баронского достоинства подтвердить не удастся: судя по всему, титул он присвоил себе сам, вместе с фамилией. Примечательно, что авантюрист решил выбрать для себя новое имя, которое было бы созвучно с его настоящей фамилией и с тем именем, которым он пользовался в Англии. С одной стороны, если от *Allaire* недалеко до *Hallere*, то дальше рукой подать и до *St. Hillaire* (иногда писалось и с одной «l», *Hilaire*). С другой, имя было удобно еще и тем, что помогало затеряться среди довольно многочисленных французских дворян, на самом деле носивших такую фамилию. Некоторые из них служили в том числе и во флоте. Целый ряд из них действительно получил в предыдущем столетии от императора баронское достоинство: соответствующие патенты на титул выдавались Адриану Мелуму де Сент-Илеру (*Adrian Meleum de Saint Hilaire*), Жильберу Сентильеру (*Gilbert Santhilliere*); братьям Сентилер (*Sainthillier*)⁷⁶.

⁷³ AMAE. Correspondance politique. Autriche. Vol. 91. F. 188.

⁷⁴ OeStA/HHStA. Italien-Spanischer Rat. Neapel Collectanea. 20 (alt 34). Я глубоко благодарен доктору Эрнсту Петричу (OeStA/HHStA) за предоставление мне этих документов.

⁷⁵ Сообщения с входящей датой 13 марта. AN. Affaires étrangères. VI 531. [Без пагинации].

⁷⁶ Электронное письмо к автору от доктора Эрнста Петрича (OeStA/HHStA) от 20 апреля 2015 г.

Все это, следует думать, помогало и нашему самозваному барону де Сент-Илеру. Например, как раз в конце 1712 г. британская и континентальная пресса писала об еще одном инциденте, в котором фигурирует фамилия Сент-Илер. Согласно сообщениям из Монса (в современной Бельгии), в ноябре здесь был раскрыт заговор, в котором участвовали некий комиссар Коллар (*Collard*) — и «господин де Сент-Илер» (*Sieur de St. Hilaire*). Заговорщики ставили себе три цели. Во-первых, похитить ни много ни мало самого принца Евгения Савойского, когда он будет возвращаться из Денена в свою штаб-квартиру, для чего в подходящем месте предполагалось расположить в засаде 60 французских карабинеров. Во-вторых, устроить сдачу французам города Монс. В-третьих, с помощью поддельных ордеров перенаправить обозы с продовольствием, тем самым лишив союзную армию провианта. Коллар якобы вел переговоры об этом с самим маршалом Вилларом, получив 1000 монет задатка и обещание выплатить еще столько же в случае успеха. Свидетелем переговоров был французский офицер ла Жукьер (*Sieur la Jouquiere*), который был задержан вместе с Колларом и подтвердил вышесказанное на очной ставке с Сент-Илером; при этом сам Коллар продолжал все отрицать. Кто был этот Сент-Илер, доподлинно неизвестно. В газетах он описывается как бывший французский офицер, капитан, «задержанный в начале этого месяца [ноября 1712 г.] за переписку с неприятелем», т.е. с французами, чью службу он ранее покинул якобы «в связи с дуэлью». Что стало дальше с заговорщиками, мы не знаем: по сообщениям прессы, этот Сент-Илер был приговорен в Монсе к смертной казни, и приговор направлен на утверждение в Брюссель⁷⁷.

Мог ли этот Сент-Илер и наш авантюрист быть одним и тем же лицом? И место действия, и ссылка на дуэль как причину, по которой заговорщик из Монса вынужден был покинуть Францию (наш авантюрист позднее будет рассказывать российским сановникам о «деле чести» как причине своей эмиграции с родины), и упоминание принца Евгения как будто наводят на мысль, что речь может идти о том же самом человеке. Как уже отмечалось, авантюрист редко придумывал эпизоды своей биографии «с нуля»: чаще он брал за основу какие-то действительно имевшие место факты и творчески их препарировал. С другой стороны, если Сент-Илер в ноябре 1712 г. действительно пытался похитить ведущего полководца империи и был за это осужден, непонятно, как после этого он еще пару лет оставался на службе у Габсбургов. Быть может, это была

⁷⁷ The Dublin Intelligence. 1712. December 06; Newcastle Courant. 1712. November 30. P. 4–5; Mercure historique et politique. 1712. December. P. 689–690.

провокация, затеянная самими имперцами с целью помешать мирным переговорам с Францией? Во всяком случае, для нас важна уже сама эта неопределенность: вероятно, читая газету, современники авантюриста, подобно нам, были вынуждены гадать, тот ли это самый Сен-Илер или нет, — что было ему, конечно, только на руку.

Так или иначе, полученный Сент-Илером патент предписывал ему «сесть на первый корабль, отправляющийся в порт и город Неаполь». В своей объяснительной Петру I следующий этап своих приключений барон не описывает. Французские морские чиновники, однако, раскрывают их достаточно подробно. В частности, в подготовленной ими справке упоминается составление им меморандума об обустройстве флота в Неаполе, что согласуется с донесением английского поверенного в делах Клемента из Вены. Далее следует известие о некоем заговоре с целью сжечь французский флот и арсенал в Тулоне, причем Сент-Илер сам сообщил о нем французскому консулу в Генуе: «приняв весьма таинственный вид, он заверил его, что задумано сжечь королевские склады в Тулоне и корабли в порту, что поручено исполнить это предприятие некоему немцу, который был в то время в Тулоне, что он, Сент-Илер, возвращается в Неаполь, чтобы снарядить там 60-пушечный корабль и командовать им, но предпримет верные меры, дабы привести и передать корабль в один из портов королевства». Хотя французские власти «эти предупреждения сочли ненадежными, однако не оставили их без внимания»: расследование якобы показало, что заговор был вымышленным. Сент-Илера велено было арестовать и отправить во Францию, «когда он проследует из Генуи в Ливорно на нанятой им фелуке⁷⁸. Но он изменил свои намерения и отправился в Милан посуху, где был посажен в тюрьму за похищение жены некоего генуэзца». Выпущенный на свободу по приказанию фельдмаршала герцога де Уседа, он «отметился дурным поведением и навлек на себя подозрения» в Неаполе, после чего императорский наместник фон Даун приказал арестовать его и заключить в Кастель-Нуово. Сент-Илер, однако, подкупил часового и бежал. Последним пунктом его походов на Апеннингах стала Мессина: он попытался представить неких «добрых друзей» Виктору Амадею Савойскому, королю Сицилии, но тот лишь выдал ему 200 пистолей и затем выслал из своих владений.

Переписка морского министра Поншартрена позволяет нам увидеть, как собиралась эта информация и как вообще работала французская

⁷⁸ Тип небольшого судна с косым парусным вооружением на Средиземном море.

разведывательно-дипломатическая сеть в Европе. Надо сказать, что консулы в это время поставляют в Париж подробные отчеты вообще обо всех заметных французах, которые приезжают в города их пребывания и могут заинтересовать правительство: в их донесениях мелькают купцы и капитаны, заезжие аристократы и учителя фехтования; консулы описывают причины их приезда и дальнейшие планы, дают им краткую характеристику. При этом они переписываются и делятся информацией также и друг с другом, а не только с центром. Для целей сбора информации особенно удобно, что консулы должны общаться с путешествующими французами по долгу службы: приезжающих не удивляет поэтому, что эти представители правительства сами стремятся вступить с ними в контакт, расспрашивают путешественников об их делах. В некоторых сообщениях о Сент-Илере консулы передают сведения, полученные в разговоре с самим авантюристом. Более того, он (как и другие путешественники), кажется, исходит из того, что его беседы с консулами будут переданы французскому правительству, и сознательно использует такое общение как канал коммуникации с министрами. Из сообщений консулов видно также, что Сент-Илеру придается особое значение: относящиеся к нему пассажи часто отчеркнуты читателем (т.е. Поншартреном или его чиновниками), некоторые из них написаны шифром.

Служба за Сент-Илером в Италии начинается уже в феврале 1713 г. «Мне стало известно, что в Геную прибывает из Неаполя француз, который называет себя бароном де Сент-Илером, — пишет Поншартрен французскому консулу в этом городе Оберу 28 февраля. — Очень важно, чтобы вы внимательно следили за его поведением, его шагами и его связями, чтобы вы точно разузнали о причинах, побудивших его к этой поездке; дело надо вести проворно и рассудительно, заручиться его симпатией, чтобы он сам рассказал вам, чем занимается сейчас и чем занимался раньше, какие у него проекты и идеи; выясните, не было бы возможно его захватить и вывезти во Францию, не компрометируя себя. Пожалуйста, не доверяйтесь никому по этому вопросу и дайте мне полный отчет»⁷⁹. 1 марта министр благодарит одного из консулов за сообщение о заговоре с целью сжечь королевский флот, пока он стоит разоруженным в Тулоне. Уже неделю спустя имя Сент-Илера упоминается в связи с этим заговором в сослагательном наклонении, «может быть», а сам он описывается как «*cet homme des mauvaises actions*». К этому времени Поншартрену уже известно в общих чертах его прошлое и его настоящее имя: министр

⁷⁹ Граф де Поншартрен — консулу Оберу, 28 февраля 1713 г. AN. Marine. В⁷ 94. Р. 49.

ссылается на письмо, полученное им еще 4 февраля от чиновников Адмиралтейства в Бордо. 23 марта Поншартрен направляет маркизу де Торси подробную справку об авантюристе — и предлагает подумать о том, чтобы направить в Геную французское судно и попытаться заманить Сент-Илера на борт с целью похищения. Неопределенность, однако, сохраняется: даже и в середине апреля, по словам министра, все еще «предполагается», что он является автором заговора в Тулоне. В мае Поншартрен выговаривает консулу Оберу за неспособность дать достаточно подробный отчет о мотивах и планах барона. Обер докладывал, что его настоящее имя Жозеф Шабер (*Chabert*); нет, поправляет министр, сообщу вам по секрету, что он Жан (так!) Аллер⁸⁰.

К концу мая становится известно, что Сент-Илера посадили под арест в Милане, а в последних числах июня Поншартрен информирует консулов о том, что барон выпущен из-под ареста и направляется в Неаполь; одновременно французской разведке становится известно, что в Генуе его уже давно поджидает некий молодой человек из Тулона, представляющий его кузеном. От консулов требуют добиваться ареста Сент-Илера местными властями; один из них смог привлечь к сотрудничеству «генуэзца, секретаря агента эрцгерцога», у которого есть надежные информаторы («*bonnes correspondances*») в Неаполе. В начале октября Поншартрену «интересно узнать», почему барона поместили в Кастель-Нуово в Неаполе, к концу октября он уже пытается разобраться, почему авантюрист опять оказался на свободе. До министра доносятся слухи о «друзьях», которым Сент-Илер обязан освобождением; один из консулов доносит ему, что барона выпустили по приказу из Вены и что императорский наместник в Неаполе фон Даун вынужден был даже перед ним извиняться⁸¹. В феврале 1714 г. появляются сообщения, что фон Даун распорядился выслать Сент-Илера под охраной до границы, а затем — что авантюрист вторично арестован вместе с неким «французским церковником, с которыми состоял в тесных сношениях». На протяжении последующих месяцев де Поншартрен настойчиво повторяет запросы касательно положения и возможных планов Сент-Илера, который именуется «крайне опасным человеком»⁸².

⁸⁰ Переписка графа де Поншартрена с французскими консулами в Генуе, Неаполе и Ливорно, и с маркизом де Торси, 1713 г. AN. Marine. В⁷ 94. Р. 50–51, 58–59, 87–88, 99, 125.

⁸¹ Ibid. Р. 201, 221, 276, 278, 402, 404.

⁸² Граф де Поншартрен различным французским консулам в Италии, 14 февраля, 21 февраля, 19 марта, 2 апреля, 16 апреля 1714 г. AN. Marine. В⁷ 93. Р. 42, 58, 84, 100, 125.

Ответные донесения от французских консулов, в первую очередь от Обера из Генуи, дают нам возможность чуть ближе взглянуть и на авантюриста, и на методы работы французских агентов. Так, из сообщения Обера мы узнаем, что в начале марта Сент-Илер проживает в Генуе в гостинице и выдаёт себя за лицо значительное («*faisant la figure d'un homme de consideration*»): у него камердинер и три лакея. Его социальные связи, однако, не соответствуют его предполагаемому статусу — Обер особенно подчеркивает, что Сент-Илер ест у себя дома (а не в гостях, как приличествовало бы светскому человеку)⁸³. В следующем развернутом донесении Обер сообщает подробности, которые крайне любопытны для нас с точки зрения представлений об экспертизе в ту эпоху: оказывается, что Сент-Илер «не инженер, как мне говорили; правда, он кое-что знает о фортификациях, но недостаточно, чтобы быть инженером». Здесь примечательно и наличие у француза некоторых познаний, и неформализованность статуса «инженера», который определяется именно наличием где-то и как-то полученных им познаний.

Обер вновь подчеркивает, что Сент-Илер пытается изображать из себя человека «благородного происхождения и очень важного (*un homme de sang illustre et de grande consideration*)». Однако на самом деле, как полагает консул, авантюриста зовут Жозеф Шабер (*Joseph Chabert*), сын Франсуа Шабера; у него также есть брат Оноре. Эти двое приезжали к нему в Геную парой месяцев ранее, но затем уехали. На данный момент в Генуе у него находятся еще двое предполагаемых родственников («*ses parens*»), Франсуа Помей (*François Pomey*) и Антуан Жанс (*Aintoine Gense*). Консул реконструирует их социальный статус и отношения с Сент-Илером на основании наблюдений за их поведением в самой гостинице: Оберу известно, что эти двое едят не за столом самого Сент-Илера и не за столом для прислуги, но за общим столом в гостинице («*a la table de l'hote*»), что указывает на их невысокий статус. «Они пристойно одеты, и я потому полагаю, что это его родственники, что они не прислуживают ему ни за столом, ни в его комнате», заключает консул. Возможно, его информаторами были сам хозяин гостиницы или его прислуга, или же Обер лично посещал заведение, чтобы наблюдать за авантюристом. В заключение Обер рекомендует арестовать этих двоих по их возвращении во Францию «в соответствии с письмом, которое я передал с капитаном фелуки, на которой они отплыли»⁸⁴.

⁸³ Консул Обер — графу де Поншартрену, сообщение с входящей датой 13 марта 1713 г. AN. Affaires étrangères. VI 531. [Без пагинации].

⁸⁴ Консул Обер — графу де Поншартрену, сообщение с входящей датой 29 апреля 1713 г. AN. Affaires étrangères. VI 531. [Без пагинации].

В мае мы узнаем, что Сент-Илер оказался в заключении из-за взятой им на содержание дамы. Вернувшись из поездки во Францию, ее муж (лакей высокопоставленного императорского чиновника) не обнаружил ее в Генуе. Узнав, что она отбыла с авантюристом в Милан, супруг пустился за парой в погоню и добился заключения Сент-Илера в тюрьму «под каким-то надуманным предлогом». Уже неделю спустя оказывается, что авантюрист освобожден, заплатив мужу сотню пистолей. Его контакты — герцог де Уседа, имперский агент («*agent de L'empire*») Молилари и некий «церковник из Женевы» по имени Грожан (*Grosjean*)⁸⁵. К концу июня его родственники действительно арестованы во Франции, и Обер напуган, поскольку Сент-Илер вернулся в Геную в сопровождении человека, ранее изгнанного из города за несколько убийств. Возможно, он узнал о роли консула в их аресте и хочет отомстить? Однако вместо уголовщины авантюрист, что довольно характерно, сам выходит на связь с французскими властями. Он пишет к секретарю дипломатического представителя Франции в Неаполе с заявлениями, что родственники его никогда не замыслили ничего против короля и приезжали лишь, чтобы повидаться с ним (любопытно, что родственные отношения с этими простолюдинами из Тулона он, таким образом, не отрицает)⁸⁶. К этому времени консул уже полагает, что «этот человек сделает что угодно, лишь бы вернуться во Францию»: в частности, он обещает передать французам не только любую информацию, но и то судно, с помощью которого он должен был провести диверсию в Тулоне, и даже всю императорскую эскадру. Выдает он и своего предполагаемого агента в Тулоне: это некий пьемонтец Антуан Мари Перрини, настоящее имя которого — «*Baron Waillierme Conenz*». Торси велел консулу осторожно, не компрометируя себя, поддерживать контакты с Сент-Илером и даже дал шифр для переписки с ним⁸⁷.

Примечательная подробность, упоминаемая в одном из сообщений, — это указание на венского покровителя, к содействию которого якобы прибегает Сент-Иллер: это «маркиз Стелла». Речь идет о графе Рокко Стелла, фаворите императора Карла VI. Стелла сопровождал тогда еще эрцгерцога Карла в Испанию во время Войны за испанское

⁸⁵ Консул Обер — графу де Поншартрену, сообщения с входящей датой 20 и 25 мая 1713 г. AN. Affaires étrangères. VI 531. [Без пагинации].

⁸⁶ Консул Обер — графу де Поншартрену, сообщение с входящей датой 24 июня 1713 г. AN. Affaires étrangères. VI 531. [Без пагинации].

⁸⁷ Консул Обер — графу де Поншартрену, сообщения с входящей датой 1 июля и 29 июля 1713 г. AN. Affaires étrangères. VI 531. [Без пагинации].

наследство и там снискал его доверенность, а когда после смерти Иосифа I в 1711 г. Карл вступил на императорский престол, Стелла вернулся вместе с ним в Вену. К лету 1712 г. Стелла описывается как ключевой приближенный императора, с которым тот больше всего любит советоваться по всем государственным вопросам, что вызывает «большую ревность» со стороны австрийских министров⁸⁸. По сведениям консула, именно ему Сент-Илер пожаловался на миланские власти за свое заключение тюрьму и принуждение к уплате компенсации мужу своей содержанки; Стелла якобы пообещал возместить ему все понесенные расходы, и авантюрист выставил счет на более чем 4000 луидоров⁸⁹. Как мы увидим, на контакты со Стелла Сент-Илер будет ссылаться и в дальнейшем.

Покровительство Стелла, однако, не помогло авантюристу, когда в конце своих итальянских приключений он оказался в заключении в Неаполе: на этот раз, чтобы освободиться, ему пришлось совершить настоящий побег. Сохранилось письмо, которое он написал наместнику фон Дауну 18 апреля 1714 г. из Рима, уже после побега из неапольского Кастель-Нуово (документ 18)⁹⁰. Текст это совершенно хвастовской, даже вызывающий: в нем барон излагает историю своего побега и сообщает причины, подтолкнувшие его к такому поступку. В своем аресте он винит герцога де Уседу, «самого низкого и коварного из всех людей», лишившего его заслуженного вознаграждения за многочисленные услуги Габсбургам; разумеется, он упоминает и свое потерянное имущество, и друзей на родине, с которыми он должен был навсегда расстаться, поступив на службу австрийскому дому. Суть выдвигавшихся против него обвинений он не излагает, но уподобляет фон Дауна Понтию Пилату, «умывшему руки после несправедливого осуждения». Сам побег представлен шагом вынужденным, «тягчайшим насилием над собой» — но и неизбежным, поскольку «для честного человека естественно избегать тирании». Сент-Илер подробно описывает, как легко он обманул часового и не выбежал даже, а «вышел через Ваш собственный дворец»; просит не подозревать крестьянина, приносившего ему вино; сообщает, что, оказавшись на свободе, первым делом купил шпагу (напоминание о своем дворянском статусе). Завершающий штрих — дерзкая просьба

⁸⁸ AMAE. Correspondance politique. Autriche. Vol. 91. F. 141.

⁸⁹ Консул Обер — графу де Поншартрену, сообщение с входящей датой 1 июля 1713 г. AN. Affaires étrangères. VI 531. [Без пагинации].

⁹⁰ OeStA/HHStA. Italien-Spanischer Rat. Neapel Collectanea, 39 (alt 60). F. 239–242.

прислать к нему в Рим его вещи, изъятые при аресте: «я уверен, что правдолюбие Вашего сиятельства повелит выслать их мне, дабы я не мог сказать, будто заступил на службу справедливейшего из государей мира в одной сорочке».

Из Европы в Санкт-Петербург

После подобных подвигов места в пределах Священной Римской империи для авантюриста, конечно, не было. Путь его теперь лежал на север. Уже в августе 1714 г. Сент-Илер прибывает в Берлин, где впервые сталкивается с Анри Лави. В прусской столице оба находятся проездом: Лави тоже направляется в Россию, где он должен занять пост французского морского комиссара в Санкт-Петербурге⁹¹. Сент-Илер, похоже, слишком много болтает во время этой встречи: в марте 1717 г. Лави сообщал своему начальству, будто бы барон «три года тому назад», т.е. как раз в 1714 г., «сознался в том, что будучи обвинен в злоупотреблениях и в преступных сношениях, пробыл шесть месяцев в тюрьме»⁹². Он также сообщает соотечественнику, что едет в «Москву», поскольку господин Матвеев, посланник русского царя (т.е. граф Андрей Артамонович Матвеев), пообещал ему изрядную должность («*employ considerable*») на русской службе⁹³. Позднее о том же писал и сам Сент-Илер, признавая, впрочем, что документального подтверждения такого приглашения у него нет: зимой 1715 г. он уверял Петра, что приехал в Россию «по простому обещанию которое господин Матвеев, посол Ваш, мне учинил»⁹⁴. Сам Матвеев в их позднейшей переписке нигде об этом своем приглашении не вспоминал,

⁹¹ О Лави и его деятельности в России см.: *Baron S.H. Henry Lavie and the Failed Campaign to Expand Franco-Russian Commercial Relations (1712–1723)* // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1995. Bd. 38. P. 29–50; *Ожеро К.* Учреждение первого консульства Франции в Санкт-Петербурге в 1717 г. // *Россия и Франция. XVIII–XX века: сб. ст. Вып. 8 / под ред. П.П. Черкасова*. М.: Наука, 2008. С. 9–30; *Schnakenbourg E.* La France, le Nord et l'Europe au début du XVIIIe siècle. Paris: Honore Champion Editions, 2008. P. 423–447; *Liechtenhan F.-D.* Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters des Grossen // *Quaestio Rossica*. 2015. No. 1. P. 59–70; *Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого*. С. 354–358.

⁹² Донесение Лави в Совет морского флота, 19 марта 1717 г. // СИРИО. Т. 34. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1881. 1881. С. 119.

⁹³ Донесение Лави в Совет морского флота, 26 августа 1714 г. AN. Marine. В⁷ 24. F. 131 v.

⁹⁴ Сент-Илер — Петру I, 2 марта 1715 г. РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

Ф84 **Французский авантюрист** при дворе Петра I: Письма и бумаги барона де Сент-Илера [Текст] / авт. науч. ст., сост. и науч. ред. И. И. Федюкин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд., испр. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — (Новые источники по истории России = Rossica Inedita). — 500 экз. — 351, [1] с. — ISBN 978-5-7598-2198-4 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-2092-5 (e-book).

Издание, открывающее серию «Новые источники по истории России. Rossica Inedita», вводит в научный оборот ранее неизвестные или мало изученные материалы из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Парижа, Лондона, Вены и Стокгольма. В нем представлено жизнеописание французского авантюриста и самозваного барона де Сент-Илера, основателя Морской академии в Санкт-Петербурге. Похождения искателя фортуны прослежены не только в России, но и по всей Европе, от Португалии до Швеции, от Италии до Англии. На примере Сент-Илера хорошо видны общие черты той эпохи; логика авантюры и методы действий авантюристов; возможности для социального и культурного «перевоплощения» на заре Нового времени; механизмы институциональных инноваций в Петровскую эпоху. В книге собраны письма, проекты и другие тексты самого Сент-Илера и окружавших его современников — Петра I, графа А.А. Матвеева и многих других российских и иностранных государственных деятелей и дипломатов — на пяти европейских языках.

Книга адресована как историкам и культурологам, так и широкому кругу читателей.

УДК 929
ББК 63.2

French adventurer at the court of Peter I: Letters and papers of Baron de St Hillaire / edited and with an introduction by I. I. Fedyukin ; National Research University Higher School of Economics. — 2nd ed., rev. — Moscow: HSE Publishing House, 2020. — (New sources on the history of Russia = Rossica Inedita) — 352 pp. — 500 copies. — ISBN 978-5-7598-2198-4 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-2092-5 (e-book).

This volume, the first in a series titled "New sources on the history of Russia. Rossica Inedita," introduces previously unknown or little-used materials from the archives of Moscow, St. Petersburg, Paris, London, Vienna, and Stockholm. It presents the biography of a French adventurer, imposter, and founder of the St. Petersburg Naval Academy, the self-proclaimed Baron de St Hillaire. The adventures of this enterpriser span not only Russia, but all of Europe, from Portugal to Sweden, and from Italy to England. The case of St Hillaire illuminates the logic of adventurism that was so central to that era; the adventurers' modes of operation; the opportunities for social and cultural self-reinvention at the dawn of the modern era; and the driving forces of institutional innovation in the Petrine period. The volume contains letters, projects, and other texts penned by St Hillaire himself and by the contemporaries with whom he interacted, including Peter I, Count A. A. Matveiev, and many other Russian and foreign statesmen and diplomats, writing in five European languages.

The book is intended for scholars working in the fields of history and cultural studies, as well as for all readers interested in history.

Научное издание

Серия
НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИИ
ROSSICA INEDITA

ФРАНЦУЗСКИЙ АВАНТЮРИСТ ПРИ ДВОРЕ ПЕТРА I
Письма и бумаги барона де Сент-Илера

Второе издание, исправленное

Составитель и научный редактор *Игорь Федюкин*

Зав. редакцией *Елена Бережнова*
Редактор *Анастасия Архипова*
Корректор *Елена Андреева*
Дизайн серии: ABCdesign
Макет и обложка: *Даниил Бондаренко*
Верстка: *Полина Лауфер*

Подписано в печать 09.08.2020 Формат 60×90/16
Гарнитура Arno Pro. Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 16,3
Тираж 500 экз. Изд. № 2421

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: +7 (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО
«Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (499) 270-73-59